

Кипарисов В. Ф. Митрополит Московский Макарий (Булгаков), как проповедник // Богословский вестник 1893. Т. 1. № 1. С. 85–128 (1-я пагин.). (Начало.)

Митрополитъ Московскій Макарій (Булгаковъ) какъ проповѣдникъ.

9 Юня 1882 года церковь московская лишилась своего предстоятеля — блаженной памяти митрополита Макарія. Кончина его была встрѣчена съ глубокой скорбію не одними только по плоти присными почившему, но и людьми не связанными съ нимъ ничѣмъ, что обычно связываетъ насъ въ ежедневной жизни, и даже видѣвшими его лишь на высотѣ епископскаго престола. Это и глудивительно. Кому не было извѣстно, что Макарій былъ другомъ всего лучшаго, что дано Творцемъ человѣку: науки боговѣдѣнія и науки человековѣдѣнія, науки труда и воздержанія, скромности и твердости, науки восходить на высоту совершенства и — быть близкимъ ко всему, что добро и человеколюбиво? И приснопамятный архипастырь былъ не только оплаканъ, но и достойно прославленъ: не словомъ лести, не словомъ суетнаго обычая явилось тогда слово церковное о почившемъ, а по истинѣ словомъ любви и скорби о внезапномъ отпествіи всегда чтимаго архипастыря. „Господи! что это такое? Что стало съ нашимъ земнымъ отечествомъ, что Ты такъ часто, такъ неожиданно берешь отъ насъ лучшихъ людей въ отечество небесное? Поистинѣ сдѣлались мы недостойными Твоихъ великихъ милостей, Твоей отеческой любви!“ Такъ десять лѣтъ тому назадъ восклицалъ въ одномъ изъ надгробныхъ словъ, одинъ изъ церковныхъ ораторовъ, нынѣ тоже почившій. Смущенные внезапной утратой ораторы вспоминали о томъ, „что имѣли и чего лишились“, просили доблестнаго пастыря и учителя Церкви „принять по сильному слову признательной памяти, — слово печалующее

объ отшествіи, но и ищущее утѣшенія отъ его же духа, уже предстоявшаго престолу небесному“ ¹⁾. Было глубоко искренне тогда слово это, когда всенародно свидѣтельствовало оно, что умственные и нравственные доблести Макарія „заставляли насъ признавать и чтить въ немъ не только законную духовную власть, которая всегда имѣетъ за себя свидѣтельство Божіе, но и духовную мудрость, которая имѣетъ за себя лучшія свидѣтельства человѣческія“ ²⁾. И посему было всякое нравственное право говорить тогда, какъ и говорилось это въ словахъ церковныхъ, что „никогда не отыдетъ отъ насъ память“ о Макаріѣ. „Не забудетъ тебя—слышали мы тогда— Церковь Православная, на пользу которой ты такъ много потрудился; не забудетъ тебя земля русская, въ сокровищницу просвѣщенія которой ты внесъ столь цѣнный вкладъ; не забудутъ тебя паствы, среди которыхъ право править ты слово истины Христовой“ ³⁾. „Твои охотныя и нескудныя жертвы на поощреніе просвѣщенія... всегда будутъ жить въ нашей памяти и возбуждать въ сердцахъ нашихъ молитвенныя чувства“.

Но помнимъ ли мы уже теперь того, кого обѣщались помнить? А также,—„довольно ли мы цѣнили“ великое достояніе, данное иѣкогда въ лицѣ Макарія, „когда его имѣли? Съумѣемъ ли достойно оцѣнить, когда его лишились?“ ⁴⁾ Не буду отвѣчать ни утвердительно, ни отрицательно на эти вопросы, ибо попытка отвѣчать на него, думаю, была бы притязаніемъ на проникновеніе въ сердца человѣческія. Но не обипуясь буду утверждать, что мы *должны* помнить имя Макарія. Если мы вообще должны помнить имена предстоятелей той церкви помѣстной, къ которой волею Провидѣнія принадлежитъ каждый изъ насъ: то тѣмъ болѣе не должно ли это сказать о такомъ предстоятелѣ, о которомъ какъ будто прямо и говоритъ древнее слово, и который во всякомъ случаѣ, въ мѣрѣ возможности для человѣческаго несовершенства, несомнѣнно осуществлялъ собою древній совѣтъ предстоятелю: „будь благъ, добръ,

1) Прот. П. А. Сергіевскій.

2) Прот. Д. И. Кастаньскій.

3) Прот. А. И. Соколовъ.

4) Прот. Н. А. Сергіевскій.

привѣтливъ, не жестокъ, не суровъ, не безчеловѣченъ, не палыщенъ, не челоуѣкоугодливъ, не боязливъ, не скрывающій отъ подчиненныхъ народовъ законовъ Божіихъ, не скоръ къ изгнанію и изверженію, но остороженъ, не удобопреклоненъ къ порицанію“ и т. д. (Апост. Пост. стр. 21)? „Епископъ трудится день и ночь“—говорили въ древности: и опять, что мы лучше всего, достовѣрнѣе всего знаемъ о епископѣ Макаріѣ, какъ не то прежде всего, что онъ былъ „мужъ изумительнаго, чисто подвижническаго труда“? „Кто скажетъ, что нашъ приспомятый архипастырь мало трудился? Онъ прилагалъ труды къ трудамъ, къ трудамъ обязательнымъ присоединялъ труды добровольные“ и труды такіе, которые „немишуемо должны были соединяться съ бдѣніемъ и среди нихъ необходимо долженъ былъ убѣгать сонъ отъ очей труженика“? ⁵⁾ Но еслибы даже мы оставили на время мысль о почившемъ какъ о предстоятелѣ и пытались удержаться только на представленіи о Макаріѣ, то нельзя. думаемъ, будетъ не согласиться съ тѣмъ, что — „успокоительно и отрадно воспоминать о такихъ людяхъ во дни повсюднаго оскудѣнія и великаго шатанія нашихъ мыслей и совѣстей“,—какъ это говорилъ одинъ изъ церковныхъ ораторовъ десять лѣтъ тому назадъ, по что едва ли потеряло значеніе и теперь: ибо „благодаря нравственной мощи такихъ историческихъ людей, твердо стоитъ и крѣпнеть народъ, которому принадлежать они, держится самый міръ, ибо стояніе міра есть сѣмя святое“ ⁶⁾. Макаріѣ же „съ непоколебимою твердостью стоялъ въ своей нравственной высотѣ посреди вѣчно колеблющейся зыби нравственныхъ воззрѣній и убѣжденій, сообразно вѣніямъ времени въ образованныхъ и вліятельныхъ классахъ нашего общества“. Мало того: одинъ древній учитель церкви прямо утверждалъ, что — „не благочестно и не безопасно (конечно, въ смыслѣ нравственной дисциплины) было бы чтить почитаніемъ житія нечестивыхъ и проходить молчаніемъ людей, прославившихся благочестіемъ“ ⁷⁾, — и притомъ проходить молчаніемъ въ этихъ стѣнахъ, гдѣ едва ли найдется чело-

⁵⁾ Свящ. Н. А. Елеонскій въ Правосл. Обзор., 1882, № 12, стр. 800—801.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Свят. Григорій Богословъ, Твор. ч. II. 180.

вѣкъ, который никогда не имѣлъ обращенія съ твореніями Макарія, и гдѣ ежегодно папи труды не скудно поощряются не только *отъ имени* Макарія, но и въ собственномъ смыслѣ—отъ плодовъ труда его,—труда цѣлой жизни, плоды котораго отданы имъ лишь на то, чтобы мы и намъ подобные, не бывшіе и даже не могущіе быть извѣстными ему и по имени, могли имѣть это поощреніе!⁸⁾ Всѣмъ намъ, конечно, иногда нравится въ историческихъ личностяхъ всего болѣе то, что отвѣчаетъ не самой лучшей, но можетъ быть должно будетъ сказать—человѣчески законной сторонѣ нашей природы и отъ того мысленный взоръ останавливается, а душа памятуетъ о такъ называемыхъ симпатическихъ сторонахъ исторической личности. А какъ былъ богатъ Макарій этими чертами. Истинно уже не нами сказанное слово, что всякій имѣвшій счастье личныхъ сношеній съ славнымъ іерархомъ, не могъ не замѣчать привлекательной внимательности въ его обращеніи со всѣми безразлично. „Вы видѣли въ немъ истинное воплощеніе власти, полную гармонію высоты духа съ высотой церковно-общественнаго положенія, и вы ставили себѣ *въ особую честь* подчиненіе ему, и душевно и сердечно преклонялись и благоговѣли предъ блестящими отличіями его души“. При общеніи съ нимъ „въ вашемъ сердцѣ разливалось спокойствіе и удовольствіе, поднималось и расширялось самочувствіе отъ непосредственнаго общенія съ архипастыремъ отцемъ. За вѣнчимъ обликомъ высокаго начальника вамъ видѣлся прежде и яснѣе всего человѣкъ со всѣми свойствами естественнаго человѣческаго духа, возвышавшійся надъ вами не наружно, но внутренно, не внѣшними отличіями, но неотъемлемыми качествами духа“⁹⁾. —

⁸⁾ Московская Духовная Академія ежегодно выдаетъ до тысячи рублей въ преміи за лучшіе ученые труды своихъ наставниковъ и воспитанниковъ, согласно завѣщанію Митрополита Макарія, предоставившаго Академіи соответственный капиталъ. Но, какъ извѣстно, всѣ преміальные капиталы Макарія составлены имъ изъ сбереженій отъ продажи его ученыхъ трудовъ, матеріальными выгодами которыхъ онъ лично во всю свою жизнь не пользовался!

⁹⁾ Къ чужимъ словамъ авторъ осмѣливается присоединить воспоминаніе о личныхъ впечатлѣніяхъ. Приводятъ къ нему новопоступившаго наставника духовно-учебнаго заведенія: архипастырь прежде всего освѣдомляется объ имени и отчествѣ представляемаго; конечно, не важное обстоятельство; но оно показываетъ, что приведенный разсматривается прежде всего

Нѣтъ надобности теперь говорить о многихъ изъ этихъ такъ называемыхъ симпатичныхъ чертахъ его характера: желающихъ читать рѣчи объ этомъ можно отослать къ церковнымъ словамъ времени его кончины, гдѣ съ рѣдкой правдивостью былъ начертанъ правственный образъ тогда только что почившаго. Съ своей стороны можемъ прибавить только, что, по нашему мнѣнію, одну сторону своей личности самъ почившій прекрасно обрисовалъ въ словѣ о другомъ подвижникѣ науки—разумѣемъ С. М. Соловьева. Въ самомъ дѣлѣ, до послѣдней іоты приложимы слова историка „русской церкви“, сказанныя объ историкѣ Россіи, что—„недовольно продолжительна была его земная жизнь, и намъ жалко, что онъ скончался еще рано; но и въ данный ему періодъ времени онъ совершилъ столько, сколько иные не совершили бы въ продолженіи даже столѣтней жизни“. „Предъ нами - гигантскій трудъ“ (разумѣется Исторія Россіи). О чемъ говоритъ этотъ трудъ? „Говоритъ прежде всего о необыкновенномъ талантѣ, о необыкновенныхъ способностяхъ души, которыми надѣлилъ его Богъ, и которыя онъ самъ развилъ до послѣдней степени; говоритъ о необыкновенномъ трудолюбіи¹⁰⁾, безъ котораго невозможно было

какъ христіанинъ-человѣкъ, а не „кто-то“, съ кѣмъ непріятный долгъ вынуждаетъ тратить драгоценное время. Приведенный, сказавъ свое имя, начинать чувствовать себя не въ состояніи какой-то опасности, а въ состояніи человека дѣйствительно имѣющаго счастье быть предъ лицомъ того, имя котораго слышалось отъ юности. — Но отъ такихъ отношеній, однако, ничуть не исчезало сознаніе великости святителя: всякій чувствовалъ всю разность между собою и предстоящимъ ему лицомъ, болѣе или менѣе изъ образованныхъ людей заочно извѣстнымъ, и мы глубоко убѣждены въ томъ, что святитель во всю свою жизнь не видѣлъ примѣровъ, чтобы изъ этого вытекало ложное положеніе, т. е. чтобы кто нибудь предъ нимъ, побуждаемый его ко всѣмъ отзывчивостью, въ его присутствіи забывался. — Другой примѣръ. На просьбу того же наставника о разрѣшеніи на вступленіе въ бракъ не получилось рѣшеніе въ родѣ исторически извѣстнаго таковаго: „если не можешь оставаться въ цѣломудріи, то пусть женится“, а призывалось на брачующагося Божіе благословеніе („Богъ благословитъ“).

¹⁰⁾ Недавно изданныя юншескіе опыты сочиненій Макарія въ нѣкоторыхъ этюдахъ обнаруживаютъ совершенно выдающійся умъ, умъ глубоко богословствующій уже въ то время. Таковы этюды о томъ, „нужна ли наука Богословія при Свящ. Писаніи“, или о томъ „спасутся ли язычники невѣрующіе въ І. Христа“. Последній писанъ былъ еще въ семинаріи.

бы воздвигнуть такого памятника: *вся жизнь почившаго была непрерывнымъ, неустаннымъ подвижническимъ трудомъ*. Говорить о его необыкновенной любви къ наукѣ, которая могла воодушевлять его въ напряженномъ трудѣ, продолжавшемся нѣлые десятки лѣтъ; только эта любовь могла возгрѣвать и поддерживать въ немъ то мужество, терпѣніе и самоотверженіе, съ какими онъ проводилъ дни и ночи надъ древними хартіями“. И въ заключеніе: „мы лишились его, но не вполне лишились. Онъ умеръ для насъ своимъ тѣломъ; но не умеръ въ своихъ безсмертныхъ ученыхъ твореніяхъ; онъ разстался съ нами своею душою; но онъ остался среди насъ сокровищами своей души, которая завѣщалъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ“¹¹⁾.

Поминайте наставники ваши! Поминайте наставники! Слова эти слишкомъ не рѣдко слышатся съ каеодры церковной. Но о нихъ не неблаговременнымъ мнѣ представляется теперь вспомнить разсужденіе славнаго предшественника славнаго Макарія, свитителя Филарета. „Поминайте наставники! Въ сихъ словахъ—разсуждалъ свититель Филаретъ—есть нѣчто печальное. Поминаютъ то, чего уже нѣтъ. Итакъ, когда Апостолъ завѣщаетъ помянуть наставниковъ богоглаголивныхъ: то сямъ самымъ показываетъ, что ихъ нѣтъ уже, и едва ли не предсказываетъ, что подобныхъ имъ не будетъ. Ибо какъ тѣмъ, что имѣемъ и видимъ легче пользоваться, нежели тѣмъ, что не видимъ и что уже миновало: то не очень нужно было бы заботиться о воспоминаніи наставниковъ прежде бывшихъ, еслибы подобные имъ непрерывно процвѣтали въ Церкви. Но Апостолъ заботится о воспоминаніи наставниковъ прежде бывшихъ: видно не надѣется, чтобы въ ихъ преемникахъ наставляемые вполне обрѣли тѣ же духъ и силу, тѣ же подвиги и добродѣтели, то же слово и тѣже примѣры“. И подлинно, замѣчаетъ за тѣмъ владыка, что — „на печальный видъ навело насъ апостольское завѣщаніе помянуть нашихъ наставниковъ. Но смотрите, какъ оно же можетъ подать намъ и утѣшеніе“. — Какъ же? Конечно, „помянуть наставниковъ скончавшихся не то, что пользоваться живущими: *но слишкомъ имъ велика*

¹¹⁾ Слова и рѣчи, произнесенныя въ московской епархіи, СПб. 1890, стр. 61—65.

сія разность и не стóбитъ ли одно другаго? Наставленіе отъ наставника живущаго — близко и удобопріемлемо, когда его видимъ и слышимъ; слово и примѣръ его въ семь случаѣ такъ же живы, какъ и онъ самъ: преимущество не маловажное! Но что касается близости и удобопріемлемости наставленія и помощи духовной: близость въ духѣ не измѣняется областями жизни и разстояніями мѣста и времени, но мыслію, желаніемъ и любовію, созерцаніемъ, молитвою и вѣрою. Вѣра можетъ сблизить васъ съ наставникомъ воспоминаемымъ почти такъ же, какъ съ присутствующимъ: ибо и съ симъ (т. е. и съ присутствующимъ) душеполезно сближаетъ она же, а не просто видѣніе лица и слышаніе слова. Вѣра посредствомъ *писанія* или *преданія* оживитъ предъ вами *ученіе и примѣръ* отшедшаго къ Богу наставника, а посредствомъ молитвы — приобрететъ вамъ *его* молитву къ Богу. — *Симъ образомъ* поминайте наставника ваща и безъ сомнѣнія вы будете удовлетворены въ потребности духа вашего такъ, что не будетъ нужды сътовать на несовершенство или скудость наставленія современнаго¹²⁾. Итакъ, поминаніе наставниковъ есть, по мысли святителя Филарета, оживленіе предъ собою *ученія и примѣра* отшедшаго къ Господу наставника, — ученія, унаслѣдованнаго отъ наставника въ его писаніяхъ и въ преданіи о немъ. Но — по истинѣ обширно ученіе Макарія, на вѣки сохраненное для насъ въ его писаніяхъ, ипаче сказать: велико число книгъ, написанныхъ имъ въ излюбленныхъ имъ областяхъ — книгъ, изъ коихъ мы можемъ заимствовать ученіе; дано имъ много знанія, которое мы можемъ усвоить себѣ, — знанія, стоившаго почившему тяжкихъ цѣлжизненныхъ трудовъ! Великъ памятникъ знанію, который онъ воздвигъ себѣ: уже подлинно человѣческая проницательность должна отказаться отвѣтить на вопросъ: придетъ ли въ забвеніе когда либо въ русской наукѣ имя Макарія? Но если намъ должно помянуть наставниковъ, то „еще

¹²⁾ Слова и рѣчи Филарета, изд. 1848 г., ч. I, стр. 258—259. — Заключительныя слова приведеннаго мѣста — о сътованіи на скудость наставленія современнаго — отвѣчаютъ на „сътованія“ среди общества христіанскаго въ родѣ такихъ: „гдѣ нынѣ наставники, которые глаголали бы слово Божіе съ такою силою, руководствовали ко спасенію съ такою вѣрностію, какъ Петръ или Павелъ“.

справедливѣе будетъ не любоваться только этимъ памятникомъ“ мысли и труда Макарія, „а на память собѣ о творцѣ этого памятника *слѣть* съ него и памятника *снимокъ*, взять урокъ въ своей жизни и дѣятельности. Тогда - то мы и дадимъ знать, что мы умѣемъ быть благодарными тому, кто жизнь свою отдалъ намъ (т. е. всѣмъ, кто имѣетъ по охотѣ или по должности обращеніе со знаѣемъ, съ наукой) и кого при жизни мы не умѣли ни понять ни оцѣнить“¹³⁾. Однако, какой же *урокъ* возьмемъ мы изъ обширной области *ученія* Макаріева? Что пайдемъ въ Макаріѣ такого, что и въ нашей специальной области можетъ служить примѣромъ для доступнаго подражанія? При духовномъ воззрѣніи на духовный образъ Макарія припоминаются слова св. Григорія Богослова, когда онъ собирался воспоминать одного изъ славныхъ церковныхъ учителей. „Не знаю — говорилъ однажды великій богословъ—какъ мнѣ распорядиться словомъ и найти способъ не продлить его чрезъ мѣру. Это былъ верхъ учености: однихъ превосходилъ онъ разнообразіемъ, другихъ—высотою познаній, нѣкоторыхъ — тѣмъ и другимъ. Объ учености его свидѣлствуютъ многочисленныя и превосходныя сочиненія, которыя онъ написалъ въ нашу пользу“¹⁴⁾. Но такъ какъ, говорилъ св. Григорій, „на описаніе всѣхъ его доблестей и на изъясненіе имъ удивленія потребовалось бы, можетъ быть, болѣе времени, нежели сколько должно запясть настоящее слово, при томъ все сіе было бы дѣломъ исторіи“¹⁵⁾: то „изъ многихъ *дѣлъ* его коснусь не многихъ, какія на сей разъ мнѣ представлеть *память какъ болѣе извѣстныя*, чтобы только удовлетворить собственному желанію и воздать должное празднику“¹⁶⁾.—Изъ этихъ многихъ дѣлъ Макарія дѣло мнѣ наиболѣе извѣстное, или по крайней мѣрѣ долженствующее быть извѣстнымъ. есть *дѣло проповѣдничества* Макарія; да и послѣднее воспоминаніе о немъ въ моей памяти свя-

¹³⁾ Прав. об. 1883, т. II, стр. 518—519. Приведенныя слова (Н. С.) принадлежать, если не ошибаеся, одному изъ лицъ, занимающему нынѣ высокое положеніе въ іерархіи церковной.

¹⁴⁾ Св. Григорій В. о св. Кирианѣ, Твор. ч. II. 250—51.

¹⁵⁾ До настоящаго времени однако еще нѣтъ историческаго очерка жизни покойнаго.

¹⁶⁾ Ibid. въ похвальномъ словѣ св. Аѳанасію, стр. 179—80.

зывается съ его словомъ объ этомъ дѣлѣ ¹⁷⁾. Имя Макарія проповѣдника, правда, не столь славно какъ имя Макарія историка—богослова: но опять какъ будто бы именно о Макаріѣ сказаны были слова древняго богослова: „ему не много нужно было словъ, потому что для наставленія другихъ достаточно было его жизни“ ¹⁸⁾, подобно тому, какъ „ему рѣдко нуженъ былъ жозль, потому что достаточно было слова“,—и конечно—не словомъ онъ прославился. Тѣмъ не менѣе эти „не многія слова“ все же носятъ ту же печать избранничества, какою отмѣченъ былъ Владыка, и мы надѣмся быть правыми, утверждая, что и въ этой области воспоминаніе о Макаріѣ можетъ составить „ученіе и примѣръ“, которые имѣютъ цѣну—по крайней мѣрѣ для нашего времени, если ужъ не на всѣ времена ¹⁹⁾.

I.

При обращеніи къ вопросу о проповѣдничествѣ Макарія, прежде всего возникаетъ мысль о томъ, какъ велика была дѣятельность Макарія въ области церковно-учительства въ

¹⁷⁾ Личныя воспоминанія пишущаго это обрываются на воспоминаніи о посвященіи покойнымъ Владыкою экзамена въ Московской Духовн. Академіи по предмету исторіи проповѣдничества въ Маѣ 1882 года, то есть, всего лишь за нѣсколько дней до неожиданной кончины Владыки. Выслушавъ нѣсколько отвѣтовъ, изъ коихъ иные были совершенно удовлетворительны, на сколько могутъ быть удовлетворительны отвѣты на скоро приготовленные, Владыка, вставъ для прощальнаго благословенія присутствующихъ, обратился къ студентамъ съ слѣдующими словами: „вижу, господа, что вы интересуетесь и занимаетесь предметомъ: благодарю васъ! Это хорошо, имѣйте въ виду, что скоро на это дѣло (проповѣдничества) будетъ обращено самое серьезное вниманіе, и занятія эти вамъ пригодятся“. Что разумѣлъ Владыка подъ словами о серьезномъ вниманіи къ дѣлу проповѣди, онъ не объяснилъ; но, кажется, имѣлъ въ виду готовившіяся тогда мѣропріятія церковной власти къ усиленію русскаго церковнаго учительства, въ видѣ установленія обязательныхъ внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій.

¹⁸⁾ „Не одною ораторскою рѣчью училъ онъ насъ, говорилъ тогда прот. С. К. Смирновъ: онъ поучалъ насъ и своими твореніями, богословскими, историческими. Не менѣе велика была учительная сила приспомятаго архипастыря, проявившаяся *въ его жизни*, въ его церковной дѣятельности“ (Прав. Обозр. 1882, № 6—7, стр. 589—90).

¹⁹⁾ Люди проникательные и во времена не свѣтлыя въ жизни и для трудовъ Макарія утверждали, что „не замедлитъ придти время, когда ему воздастся по достоинству“. Попытаемся сдѣлать это хотя для одной изъ областей его трудовъ!

гѣснѣйшемъ смыслѣ, то есть учительства съ церковной кафедрой? Макарій состоялъ въ іерархическихъ степеняхъ выше сорока лѣтъ (1841—1882): періодъ, конечно, такой, въ продолженіи котораго, даже примѣнительно къ существующей церковной практикѣ, количество сказанныхъ проповѣдей можетъ быть громадно. Но о количествѣ проповѣдей Макарія, не смотря на самый тщательный сборъ ихъ, сдѣланный уже послѣ его смерти, должно сказать, что количество всякаго рода рѣчей его, сказанныхъ въ качествѣ пастыря при какомъ бы то ни было случаѣ, количество это никакъ не превышаетъ двухъ сотъ (собственно 198). Мы, конечно, говоримъ судя по доступному намъ источнику — по печатнымъ изданіямъ его проповѣдей. Но можетъ быть именно здѣсь и имѣетъ приложеніе то соображеніе, что проповѣдывать и печатать проповѣди — не одно и то же, и одно не совпадаетъ съ другимъ? Къ сожалѣнію (если только можно сожалѣть объ этомъ) случаи, гдѣ нашъ авторъ несомнѣнно сказывалъ проповѣди, но она не была записана, и потому не могла дойти до настоящаго времени, всѣ извѣстны почти наперечетъ и далѣе мы должны будемъ отмѣтить, что иначе, т. е. многочисленныхъ проповѣдей устныхъ, и быть почти не могло²⁰). Но можетъ быть суще-

²⁰) Что, повидимому, нѣкоторые проповѣди не были записаны или записаны, но затерялись для издателей, на это имѣются слѣдующія указанія: въ воспоминаіяхъ достоуважаемаго о. архим. Григорія (Пр. Обзор. 1888, № 1) читаемъ: „11 числа Мая (1879) владыка въ своей подворской церкви священнодѣйствовалъ и говорилъ поученіе“ (стр. 13). Но этого поученія въ печатныхъ изданіяхъ не имѣется. Тотъ же свидѣтель удостовѣряетъ насъ, что чрезъ два дня Владыка въ Алексѣевскомъ монастырѣ сказалъ импровизованное слово, которое не было напечатано, потому, вѣроятно, что и послѣ его произнесенія оно Владыкой не было записано (ibid. стр. 16). О посѣщеніи въ 1880 году Владыкой Коломны тотъ же авторъ записалъ: „прочитавъ проповѣдь соборнаго протоіерея, написалъ на ней: благословляется къ произношенію, а сдавая ее утромъ на другой день сказалъ сочинителю (проповѣди), что желаетъ самъ сказать нынѣ слово: ему не поспалося и, рано вставъ, онъ успѣлъ обдумать слово И онъ дѣйствительно произнесъ слово на текствъ изъ Лук. XI, 28. Слово это также не напечатано, если и было положено на бумагу (ibid. стр. 33). Въ 1881 году подъ 28 Іюня тотъ же авторъ отмѣчаетъ: въ Спасобородинскомъ монастырѣ Владыка совершалъ литургію и послѣ служенія говорилъ, какъ сообщаетъ игуменья, между прочимъ о необходимости для челоуѣка предаваться во всемъ волѣ Божіей, о прощеніи и любви ко врагамъ“ (ibid. 36). Итакъ, если и въ послѣднемъ извѣстіи надобно видѣть указаніе на проповѣдь, то къ москов

ствують проповѣди нисапныя, но не изданныя? Прямаго основанія отрицать, чтобы не было какой либо проповѣди неизданной, но существующей въ рукописи, мы не имѣемъ, конечно; но опять есть многы основанія думать, что только *случайно* это могло быть, т. е. что проповѣдь миновала рукъ его внимательныхъ издателей, какъ случайно могло затеряться какое нибудь сочиненіе святителя ²¹⁾. Такимъ

снмъ проповѣдямъ должно будетъ прибавить еще три-четыре проповѣди и—только! О другихъ мѣстахъ его служенія должно сказать, конечно, то, что тамъ не было такихъ внимательныхъ наблюдателей его дѣятельности, каковымъ оказался наблюдатель въ Москвѣ. Но для Петербурга, города самаго продолжительнаго пребыванія Макарія въ одномъ мѣстѣ, трудно будетъ утверждать, что къ петербургскимъ записаннымъ и изданнымъ, вообще извѣстнымъ теперь, проповѣдямъ должно прибавить нѣсколько не записанныхъ и слѣдов. не изданныхъ. Исключеніе составляетъ только одна проповѣдь на Благовѣщеніе, повидимому затерявшаяся: въ письмѣ къ прот. Серафимову онъ упоминаетъ о ней; но ни въ одномъ изданіи проповѣдей мы ея не видимъ.—Правда, въ одномъ изъ воспоминаній о немъ (г. Рыбакова) за періодъ 1855-1857 годы читаемъ; „экспромптомъ онъ всегда говорилъ и проповѣди, при чемъ конечно былъ обдуманъ планъ“ и пр. (Иван. Об. 1883, т. II, стр. 536). Но авторъ, сколько можно догадываться, не утверждаетъ, что онъ *слышалъ много* этихъ экспромптовъ и вообще *много* проповѣдей, кромѣ одной, прощальной, къ которой и существуетъ въ печатномъ сборникѣ въ изд. 1891 года. О проповѣдяхъ въ Вильнѣ издатель виленскихъ проповѣдей (СПб. 1880) дѣйствительно даетъ какъ будто разумѣть, что въ Вильнѣ проповѣдой произнесено было болѣе, чѣмъ напечатано: въ предисловіи издатель говоритъ, что „нѣкоторыя проповѣди Макарія, произнесенныя въ Вильнѣ, не были своевременно записаны“, и что издатель „ограничивается здѣсь собраніемъ *только тѣхъ* его виленскихъ проповѣдей, которыя вскорѣ послѣ произнесенія печатались порознь въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ“ (стр. II). Итакъ, не должно ли крайней мѣрѣ изданныя подъ названіемъ виленскихъ проповѣдей называть лишь незначительной *частью* виленскихъ проповѣдей и подразумевать, что значительное число ихъ не сохранилось? Нѣтъ, издатель, правда, неточно выражается, но тутъ же даетъ разумѣть, что изданныя проповѣди составляютъ всетаки главнѣйшую часть: онъ прямо говоритъ, что вообще „число виленскихъ проповѣдей *Высокопресвященнаго* представляется *незначительнымъ*“, и потому отнимаетъ основаніе думать, чтобы напечатанныя представляли собою, относительно ко всемъ проповѣдямъ, лишь меньшую часть. При томъ и издатель его проповѣдей 1891 года не разсматриваетъ изданіе виленскихъ проповѣдей какъ неполное, какъ не выражающее всей его проповѣдической дѣятельности (см. предисловіе).

²¹⁾ Чтобы испробовать все доступныя намъ средства рѣшить вопросъ о томъ, нельзя ли думать, что какая нибудь часть написанныхъ проповѣдей Макарія не издана, мы обратились къ издательницѣ (Е. Н. Булгаковой) его

образомъ приходится утверждать, что издавныя проповѣди своимъ количествомъ могутъ выражать весьма близко къ дѣйствительности количественную степень дѣятельности Макарія въ области проповѣди, иначе, — что, имѣя дѣло съ печатными проповѣдями Макарія, мы будемъ имѣть дѣло дѣйствительно съ Макаріемъ какъ проповѣдникомъ. Двѣсти проповѣдей въ сорокъ лѣтъ: это — скажутъ — слишкомъ мало! Но что же — уже ли мы на первомъ почти словѣ должны признать знаменитаго Макарія пастыремъ „не учительнымъ“, подобно тому, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ одномъ свѣтскомъ журналѣ кто то, именующій себя священникомъ, объявилъ это во всеуслышаніе о пресмникѣ Макарія, покойномъ Алексіѣ? ²²⁾ Нѣтъ: оставивъ здѣсь вопросъ о томъ, кто *учителенъ*, замѣтимъ, что *неучителенъ* собственно тотъ пастырь, у котораго ничему нельзя поучиться, а у Макарія ли съ Алексіемъ ничему нельзя поучиться — ничему такому, о чемъ другіе пастыри (или точнѣе всѣ пастыри), съ тѣхъ поръ какъ существуетъ церковная каедрa, часто говорятъ въ своихъ проповѣдяхъ! ²³⁾ Нѣтъ, Макарій *мил*

сочиненій съ вопросомъ объ этомъ. Къ сожалѣнію, это оказалось поздно: издательница была уже предсмертно больна (некрологъ ея и о томъ, какое значеніе она имѣла въ работѣ по изданію трудовъ покойнаго см. Церк. Вѣсти. № 18, 1892 г.). Ко всему сказанному о количествѣ проповѣдей Макарія можемъ прибавить еще: не возможно ли предположить, что нѣкоторыя проповѣди еще въ рукописяхъ были уничтожены самимъ авторомъ въ 1862 году, когда, какъ видно изъ собственнаго его предисловія къ „сочиненіямъ семинарскимъ и академическимъ“ изд. при Прав. Обозр. 1891 г., онъ пересматривалъ свои рукописи и нѣкоторыя за ненадобностію уничтожилъ? Трудно это предположить, судя потому, что при своей жизни Владыка издавалъ даже самыя краткія рѣчи, если только онѣ оказывались на бумагѣ, — хотя конечно, изданіе 1869 года заявляется издателемъ какъ только собраніе всѣхъ проповѣдей, отъ 1841 года по 1869, *появившихся въ печати!*

²²⁾ См. Русскій Вѣстн 1892, Май, стр. 84.

²³⁾ Послѣ смерти преосв. Алексія въ одной газетѣ кто то обратилъ вниманіе на эту неучительность Алексія, поставляя еѣ въ соотношеніе съ тѣмъ же качествомъ въ митр. кіевскомъ Филосеѣ (см. Гражданинъ, 1890, № 219). Но здѣсь писатель оказался добросовѣстнѣе именующаго себя овященникомъ: не пытаясь вывести наружу всѣ помыслы печившаго Алексія, онъ отмѣчалъ это только какъ фактъ, не подкладывая подъ него какой нибудь теоріи, которой будто бы слѣдовалъ, въ этомъ отношеніи, покойный Алексій; священникъ же Русскаго Вѣстника прямо удостовѣряетъ, что Алексій былъ „сторонникъ теоріи ограничивающей, если не

произносилъ проповѣдей: вотъ безспорный фактъ. Гдѣ же причина этого, — такъ какъ, вѣдь, въ теченіе сорока лѣтъ можно сказать не двѣсти, а двѣ тысячи проповѣдей, если даже произносить по одной проповѣди въ недѣлю? ²⁴⁾ Святитель не нуждается въ особомъ *оправданіи* его въ этомъ обстоятельстве. Поэтому тѣмъ, что будетъ сказано далѣе, мы будемъ стараться не столько апологетировать (хотя не отказываемся и отъ этого) память святителя, сколько уяснить себѣ тотъ фактъ, почему иначе, чѣмъ какъ дѣло было, оно едва ли и могло быть. — Прежде всего, что Макарій, мало написавшій проповѣдей, однако не есть еще пастырѣ *неучительный*, это всякій долженъ признать потому, что вѣдь

отрицающей обязанность епископа учить паству“.—Конечно, священникъ не упоминаетъ имени этого страшнаго епископа; но вѣдь это уже одно бесполезное малодушіе, ни отъ кого не скрывающее, кого здѣсь разумѣетъ авторъ подъ „однимъ, недавно умершимъ, каноникомъ епископомъ“! Что послужило къ тому, чтобы могло образоваться такое сказаніе объ отношеніи пр. Алексія къ дѣлу проповѣди, затрудняемся сказать: но, вѣроятно, это была его извѣстная ревность по точности богослужебнаго чина, неуклоннымъ исполнителемъ котораго онъ былъ самъ,—ревность, за которой и не была совсѣмъ видна его забота о цѣлѣ проповѣди. Но что, не сказывая проповѣдей самъ, онъ отнюдь не возводилъ этого въ какую либо теорію: наоборотъ прилагалъ заботу о проповѣдничествѣ и тамъ, гдѣ въ иныхъ случаяхъ заботливости не видится, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующее: „10 Ноября 1835 года пресвященный, въ видахъ достиженія лучшихъ результатовъ преподаванія гомилетики въ литовской духовной семинаріи, предложилъ правленію семинаріи назначить вмѣсто одной проповѣди на одинъ день для всѣхъ воспитанниковъ (какъ это практиковалось ранѣе) отдѣльныя проповѣди на воскресные и праздничные дни, по особому росписанію, съ тѣмъ, чтобы лучшія проповѣди были произносимы въ семинарской церкви. Результатъ такой постановки дѣла не замедлилъ сказаться: многія изъ проповѣдей, составленныхъ учениками и произносимыхъ въ церкви Троицкаго монастыря, удостоились одобренія самого Владыки, которому онѣ представлялись, и съ удовольствіемъ выслушивались посѣтителями храма. Для сей же цѣли, т. е. для проповѣданія слова Божія съ церковной кафедры, воспитанниковъ Семинаріи стали представлять къ посвященію въ стихарь“. См. Истор. Литов. Дух. Семин. Свящ. Извѣкова, стр. 424.

²⁴⁾ Такъ что, если бы кто либо, пытаясь подвести итоги дѣятельности Макарія и классифицировать отрасли этой дѣятельности, сталъ говорить о *отягченности проповѣднической*, это, по нашему мнѣнію, было бы излишнимъ напряженіемъ, такъ какъ подъ „дѣятельностію“ нужно разумѣть не отдѣльные случаи соприкосновенія къ той или другой отрасли труда или обязанностей, а не устанное посвященіе силъ и труда извѣстнымъ задачамъ.

въ церкви Христовой, какъ живомъ организмѣ, существуетъ и должно быть *раздѣленіе дѣлованій*, вслѣдствіе чего одинъ несетъ на себѣ по преимуществу одинъ трудъ для церкви, другой—другой. Такъ и въ дѣлѣ наученія нужно признать не только дѣйствительнымъ, но и желательнымъ участіе разнообразныхъ отраслей труда духовнаго. Конечно, не бесполезенъ же для церкви тотъ, кто вывѣряетъ текстъ богослужебныхъ книгъ, сидя гдѣ то никѣмъ не видимый; но тотъ же самый труженикъ не бесполезенъ и въ частности для дѣла церковнаго учительства, хотя онъ и не занимаетъ катедру церковную: связанный длинной цѣпью отраслей церковныхъ дѣятельностей, никѣмъ не видимый, онъ, дѣлая, повидимому свое особое дѣло, служить и дѣлу церковнаго учительства: ибо развѣ возможна проповѣдь безъ всякаго отношенія къ богослуженію? Если бы иначе; то конечно тогда проповѣдь изъ храма могла бы быть перенесена куда угодно! Поэтому нѣкто справедливо замѣчаетъ, что тотъ, „кто говоритъ своему брату: „я не могу тебя убѣдить, но помолимся вмѣстѣ“ и обращаетъ его пламенной молитвой: а тотъ есть могущественный органъ ученія“ (слова А. С. Хомякова). „Кто силою своей вѣры и любви исцѣляетъ болѣзни и этимъ привлекаетъ къ Богу заблудшихъ овецъ, и тотъ есть учитель этихъ обращенныхъ Христу“. По конечно „получившій отъ Бога даръ слова поучаетъ словомъ“ (онъ же). И самъ Макарій, отдавая свой трудъ по преимуществу одной отрасли дѣятельности, не былъ подверженъ исключительности въ оцѣнкѣ значенія своего труда для церкви: онъ конечно и не думалъ утверждать, что, напримѣръ, излагая въ стройной системѣ ученіе церкви, онъ одинъ только и есть уже не втуне живущій для церкви человекъ. Напротивъ, онъ твердъ былъ въ мысли, что „всѣ мы (разумѣлось, даже міряне) можемъ (по крайней мѣрѣ) содѣйствовать къ насажденію истинной вѣры между нашими ближними. Чѣмъ и какъ? Одни — своими частными бесѣдами; другіе — своими сочиненіями; третьи — своими уроками и заботами о воспитаніи дѣтей и юношей“. Даже внѣшне матеріальную поддержку труждающихся въ благовѣстіи Христовомъ, учителей вѣры, Макарій считаетъ участіемъ и великомъ дѣлѣ учительства въ церкви Христовой, потому что — говорилъ онъ — „церковь есть живое тѣло

Христово; и въ тѣлѣ, хотя каждый членъ имѣетъ свое особое назначеніе и служеніе; но тогда только правильно течетъ жизнь, когда всѣ члены помогаютъ другъ другу“²⁵⁾, сообразно, конечно, своимъ силамъ и положенію. Но если такъ, то уже ли малое количество проповѣдей Макарія ни сколько не восполняется трудами по догматикѣ и исторіи, чтобы и его можно было включить въ число пастырей учительныхъ во внутреннемъ, а не во внѣшнемъ только смыслѣ учительности? И эти труды, притомъ, должны быть признаны восполняющими малое количество проповѣдей не въ смыслѣ только какъ бы искупленія вины его, а прямо въ смыслѣ церковноучительнаго ихъ значенія. Такъ, если сравнить нѣкоторые изъ предметовъ, обычно трактуемыхъ въ нашихъ проповѣдяхъ, съ системой догматики Макарія; то сколько окажется случаевъ, что существо дѣла здѣсь, въ догматикѣ Макарія, раскрыто уже съ силой несравнимой, обосновано твердо, а то, чѣмъ отличается проповѣдь отъ макаріевскаго трактата, можетъ быть признано только не нужнымъ прилаткомъ, или пенужнымъ умноженіемъ словъ!²⁶⁾ А иногда—просто приходится пожалѣть, что обладающему церковной кафедрой недостаточно извѣстна догматика этого малоучительнаго Макарія. — Но Макарій и самъ какъ будто бы готовился отвѣтить на то, выражается ли учительность единственно и исключительно количествомъ сказываемыхъ проповѣдей: чрезъ всю его догматику приходитъ мысль, что если бы мы въ самомъ дѣлѣ болѣе вникали въ догматы, въ чисто умозрительныя положенія, которыя по господствующимъ понятіямъ о церковномъ учительствѣ считаются болѣе достойнымъ богословской *книги*, а не всенароднаго учительства, гдѣ по необходимости часто не оказывается и мѣста для богословія умозрительнаго (теоретическаго): то многое вошло бы въ умы христіанскаго общества изъ того именно, что

²⁵⁾ Слова вилен. стр. 34—35.

²⁶⁾ Уже то обстоятельство, что мысли, изложенныя въ прикладныхъ частяхъ догматики Макарія развиваются иногда въ его же проповѣдяхъ и вообще, что существуетъ во многихъ случаяхъ явное соотношеніе между проповѣдями Макарія, и его догматикой, указывать, что общецерковная учительность Макарія, или его значеніе въ этомъ отношеніи не должно быть измѣряемо исключительно суммой когда либо сказанныхъ имъ проповѣдей.

теперь съ такимъ трудомъ проповѣдники съ церковной кафедрой пытаются вкоренить въ умы людей христіанскаго общества, иначе — что тогда и учительная дѣятельность пастырей облегчалась бы, и цѣли ея успѣшнѣе были бы достигаемы. Онъ вѣрилъ, что дѣйствительное познаніе догматовъ хотя бы путемъ *книги* содѣйствуетъ усовершенію христіанской *жизни*. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „много для нашей нравственности могла бы сдѣлать одна мысль (о томъ, что Богъ безконечно правосуденъ), если бы мы живо и глубоко содержали ее въ своемъ умѣ и сердцѣ“²⁷⁾. Для него вообще догматъ — это, такъ сказать, не надъзвѣздная, не премірная истина, имѣющая значеніе только для знанія, а жизненная истина, или, если угодно, истина жизни, и потому (по его мнѣнію) раскрывая чисто догматическія истины, онъ *учитъ и жизни*, понимая, какъ онъ выразился въ одной изъ своихъ проповѣдей, жизнь какъ дѣятельность, исполненіе нашихъ обязанностей, а не пассивное прозябаніе, препровожденіе времени существомъ ни для какой цѣли никому ненужнымъ: словомъ, догматизируя, работая въ области теоретическаго ученія, онъ уже проповѣдничествуетъ, а возможность этого совмѣщенія какъ бы двухъ отдѣльныхъ дѣятельностей, по его взгляду, имѣетъ основаніе въ томъ, что „самый возвышенный догматъ, какъ онъ выражается, можетъ имѣть самое обширное приложеніе въ личной жизни и дѣятельности: при свѣтѣ его опредѣляются не только обязанности человѣка въ отношеніи къ Богу, но и многія другія правила христіанскаго благочестія“²⁸⁾, напримѣръ, „при размышленіи о совершенствахъ Божіихъ мы могли бы находить для себя вразумленіе и наставленіе среди всѣхъ самыхъ трудныхъ и разнообразныхъ обстоятельствъ нашей жизни“. И при томъ, какъ Макарій въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, „какъ не отвлеченно“ бываетъ иногда, повидимому, „догматическое ученіе (рѣчь здѣсь у него о личныхъ свойствахъ Божіихъ), но изъ отвлеченнаго ученія мы можемъ почерпнуть для себя нравственные уроки“²⁹⁾.

²⁷⁾ Догмат. Богосл. т. I. § 23, 3, б.

²⁸⁾ Ibid. въ началѣ §.

²⁹⁾ Ibid. а также § 50.

Какъ онъ *свѣтомъ догмата* дѣйствительно освѣщаетъ обычные и не совсѣмъ обычные темы нашей ежедневной проповѣди, этому вотъ нѣсколько примѣровъ: столь распространенный пессимизмъ, основаніемъ котораго въ не совсѣмъ оземленѣлыхъ натурахъ служить прирожденное человѣку, хотя и получившее ложное направленіе, чувство правды и законнаго желанія, чтобы правда человѣческая, а не звѣрская жила на землѣ, этотъ пессимизмъ онъ освѣщаетъ догматомъ о безконечной премудрости Божіей: если Богъ безконечно премудръ, то — говоритъ Макарій — „да не смущаются нашъ умъ и сердце, если въ жизни ли общественной, или въ природѣ мы увидимъ какія либо явленія, по видимому, угрожающія всеобщей гибелью и разрушеніемъ“: премудрость Божія не допустить явленія, не имѣющаго нравственнаго смысла! Та же общественная жизнь (вопросъ — частый въ его проповѣдяхъ, какъ увидимъ), по мысли догматиста, не есть только неизбежное зло для человѣка, предназначеннаго собственно для вѣчной жизни, и отношенія къ ней не должны быть или отрицательныя или квіетистическія: нѣтъ, иное отношеніе къ ней есть прямое слѣдствіе христіанскихъ догматовъ: „въ нашихъ (человѣческихъ) обществахъ — говоритъ Макарій — Самъ Богъ устрояетъ порядокъ и іерархію (въ человѣческихъ отношеніяхъ) и назначаетъ каждому человѣку свое служеніе и мѣсто“. Слѣдовательно, тотъ физическій и историческій фактъ, что люди соединяются въ общества — никакъ не есть дѣло одного человѣка, и не есть только поущеніе зла, какъ это бываетъ въ другихъ случаяхъ: но то есть и положительная воля Божія! А если такъ, то въ свою очередь „народы всѣ свои *успѣхи* по разнымъ отраслямъ государственной жизни, свое благоденствіе, процвѣтаніе, славу, должны приписывать не себѣ, а Богу“. Отдѣльный же человѣкъ долженъ руководиться такимъ положеніемъ: „каждому изъ насъ Творецъ, кромѣ общихъ свойствъ природы, даруетъ еще особыя способности, особые таланты“. Что изъ этого слѣдуетъ? То, что „узнать въ себѣ эти способности и таланты и употребить ихъ во благо свое и ближнихъ и въ славу Божію, чтобы такимъ образомъ оправдать свое призваніе, есть непререкаемый долгъ каждаго чело-

вѣка“³⁰⁾. Самое ученіе о такъ называемой гуманности представляется въ писаніяхъ Макарія не какъ нравственный совѣтъ общаго характера, совѣтъ въ содержаніи своемъ растяжимый до возможности противоположной оцѣнки одного и того же дѣйствія, а какъ прямой выводъ догмата о таинствахъ воплощенія: „догматъ этотъ — научаетъ и возбуждаетъ насъ (прежде всего) уважать *въ себѣ* достоинство человеческой природы, (а за тѣмъ) *уважать и другихъ людей, когда Самъ Богочеловѣкъ* удостоилъ наименовать насъ своею братією“. Къ тому же самому приводитъ его догматъ о церкви: сообразно съ свойствомъ ея соборности, знаменитый догматистъ призываетъ: „научимся обнимать *всѣхъ* людей своею христіанскою любовію и быть готовыми служить *всѣмъ*, благотворить ближнимъ и дальнимъ“³¹⁾. Къ тому же приводитъ ученіе о таинствахъ³²⁾. Къ тому же ученіе о сотвореніи человѣка³³⁾. — На догматѣ онъ обосновываетъ отношеніе человѣка даже къ природѣ, къ окружающему насъ міру, призывая „присоединить свой хвалебный гласъ Господу къ голосу всей природы“, ибо „міръ есть зеркало божественныхъ совершенствъ“, и потому, по выраженію автора, надлежитъ „какъ можно чаще приникать въ это зеркало“, но въ то же время не забывать того, что и самъ „человѣкъ призванъ непрестанно усовершенять свои духовныя силы“³⁴⁾, — и многое другое, что перечислить потребовало бы особенной рѣчи. — Но если такъ, то развѣ не видно, сколь много изъ догматическихъ выводовъ Макарія можетъ слѣдовать вторичныхъ выводовъ, о которыхъ притомъ должно будетъ сказать, что въ церковно-учительной практикѣ слышались по временамъ ученія не совсѣмъ согласныя съ этими выводами или по крайней мѣрѣ недоста-

³⁰⁾ Догмат. Богослов. т. II, § 70. т. I, § 50.

³¹⁾ Догм. *ibid.* III. § 42. На основаніи наблюденій надъ свойствами писаній Макарія можно утверждать, что извѣстная гуманность Макарія, мягкость въ отношеніи къ людямъ, были въ немъ не сантиментальностью, разсчитанной на выгоду, политичностью или чѣмъ нибудь подобнымъ, а слѣдствіемъ глубокаго богословскаго убѣжденія, что иначе дѣло и не должно быть. Мы, по крайней мѣрѣ, убѣждены въ этомъ.

³²⁾ Т. V, § 246.

³³⁾ Т. II, § 94.

³⁴⁾ *Ibid.* и § 61.

точно разъясняющія зерно догматическаго ученія въ трудахъ Макарія? ³⁵⁾ Вотъ почему должно сдѣлать выводъ, что дѣйствительная степень учительности Макарія во всякомъ случаѣ выше того, сколько можно бы судить только на основаніи его проповѣдей. Вотъ почему — совсѣмъ не словами панегирика были тѣ слова, въ коихъ по его кончинѣ говорилось, что онъ имѣлъ „не только даръ сказанія дѣяній церкви Божіей, даръ разумѣнія священныхъ преданій ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ и даръ пророчества или церковнаго учительства!“ И самъ покойный владыка, конечно не въ цѣляхъ извиненія себя, по по сознанію правоты дѣла, свидѣтельствомъ учительности считалъ не одни „слова и рѣчи“ того или другаго пастыря, услужливою рукою изданныя въ свѣтъ, но совокупность просвѣтительной дѣятельности на поприщѣ пастырскаго служенія. Въ этомъ смыслѣ онъ высказался въ одномъ изъ нагробныхъ поученій, и это же проглядываетъ отчасти въ его Исторіи Русской Церкви ³⁶⁾. — Но тому обстоятельству, что проповѣдей Макаріемъ было сказываемо сравнительно немного, были и внѣшнія причины, хотя, конечно, внѣшними можно, если угодно, назвать ихъ относительно, ибо и при тѣхъ же самыхъ условіяхъ труды его могли остаться потомству въ видѣ многихъ томовъ проповѣдей вмѣсто многихъ томовъ догматики и исторіи. Для объясненія этого должно будетъ представить

³⁵⁾ Посему можно сказать, что не излишняя привязанность къ школьной наукѣ можетъ вредить проповѣдникамъ, будто бы связывая ихъ мысль школьными формулами, съ которыми они и оказываются неспособными подойти къ жизни, а скорѣе недостаточная связь съ школьной наукой, — вообще не наука, а недостаточное знаніе науки — вотъ одно изъ всегдашнихъ бѣдствій проповѣдничества.

³⁶⁾ Такъ въ словѣ при погребеніи пр. Іакова (нижегородскаго) Макарій говоритъ, что, конечно, „тѣ слова и рѣчи, которыя издавъ пр. Іаковъ, служатъ яснымъ свидѣтельствомъ того, съ какимъ усердіемъ почившій проходилъ обязанность наставленія“; „но несравненно болѣе онъ поучалъ въ домашней бесѣдѣ, которую такъ любили всѣ, жаждущіе наставленія“. (См. Слова и рѣчи Макарія, СПб. 1891, стр. 167). Въ общемъ введеніи къ Исторіи Р. Церкви онъ говоритъ, что цѣль церкви — „воспитаніе людей въ вѣрѣ и благочестіи“ „средствами богодарованными“ и въ этомъ числѣ „ученіемъ“; но не заключается понятіе ученія исключительно въ монологическую форму ученія съ церковной кафедрой. Тоже почти и въ Догматикѣ (при ученіи о священствѣ; см. т. V. 65).

себѣ хронологическую таблицу проповѣдей Макарія. Что же она дастъ намъ? Голыя цифры, по нашему мнѣнію, довольно вразумительно представляютъ дѣло, въ особен-ности если снести ихъ съ показаніями другихъ источни-ковъ. — Такъ, конечно, ничего особеннаго не даетъ намъ первое показаніе, именно, что въ Кіевѣ имъ сказано всего двѣ проповѣди (условливаемся принимать выраженіе: *про-повѣдь* за рѣчь вообще, сказанную имъ какъ лицомъ, облеченнымъ въ священнѣйшій санъ при соотвѣтствующихъ его сану случаяхъ). За тѣмъ, на эпоху его служенія въ Пе-тербургѣ падаетъ *двадцать пять* проповѣдей, произнесен-ныхъ имъ почти *въ теченіи пятнадцати лѣтъ* (съ Іюля 1842 по Май 1847). Затѣмъ, по переселеніи въ Тамбовъ за время пребыванія тамъ въ теченіи только всего *двухъ лѣтъ* (съ Мая 1857 по Май 1859) сказано было *пять-десять двѣ проповѣди*. Очевидно, въ Тамбовѣ въ одинъ годъ было сказано болѣе, чѣмъ въ пятнадцать лѣтъ петербург-скаго періода. Харьковскій періодъ *на девять* слишкомъ лѣтъ далъ *шестьдесятъ восемь* проповѣдей (съ Іюня 1859 по Сентябрь 1868 года). За тѣмъ, на періодъ Виленскій падаетъ *двадцать семь* проповѣдей—на цѣлыхъ *одиннад-цать лѣтъ* (Сент. 1868 по Май 1879 года), и, наконецъ, московскія проповѣди выражаются цифрой *двадцати четы-рехъ — на три года*. Изъ этого видно, что количество проповѣдей Макарія не располагается по годамъ даже при-близительно равномерно; при чемъ, очевидно, особенно рѣзко выдѣляются: періодъ до 1857 года въ эпоху петер-бургскаго служенія и періодъ самостоятельнаго служенія въ Тамбовѣ. Характеръ перваго — чрезмѣрная малость, второ-раго — относительное изобиліе проповѣдей. Въ первомъ періодѣ было не мало годовъ, когда проповѣдей совсѣмъ не было произнесено; а наибольшее количество проповѣдей въ одинъ годъ не превышаетъ трехъ!^{*)} Во второмъ періодѣ (и въ первомъ въ жизни Макарія, когда онъ сдѣлался совершенно полновластнымъ распорядителемъ кафедр)

^{*)} Такъ совсѣмъ нѣтъ проповѣдей у Макарія въ 1852—53, 1855 годахъ: въ 1851 и 1854 году произнесены были только рѣчи (три въ оба года) по особымъ случаямъ и въ томъ числѣ рѣчь на нареченіе во епископство; въ 1843 и 1856 годахъ произнесено по одной проповѣди.

явственно не только большее количество проповѣдей, но и интенсивна и, такъ сказать, степень напряженія въ трудахъ проповѣдническихъ, которую можно характеризовать даже неустанностію въ проповѣданіи. Такъ здѣсь обнаруживаются случаи сказыванія шести-семи проповѣдей въ одинъ мѣсяцъ, и говорено было по три проповѣди въ послѣдовательно слѣдующіе воскресные дни ³⁸⁾, чего до сихъ поръ (въ петербургскій періодъ) не было. Вообще періодъ служенія въ Тамбовѣ давалъ бы даже право отнести Макарія къ числу весьма учительныхъ пастырей, такъ какъ число двадцати пяти проповѣдей въ годъ, при обычаяхъ нашего проповѣдничества, есть число положительно большое ³⁹⁾, и въ то же время — очевидно — что количество петербургскихъ проповѣдей безспорно малое. Отъ чего-же Макарій „не учительный“ въ Петербургѣ дѣлается положительно учительнымъ въ Тамбовѣ? — Покойный преосвящ. Никаноръ, какъ бы отвѣчая на этотъ вопросъ, посвящалъ не однажды свое проповѣдническое слово вопросу о томъ, нуждается ли проповѣдничество въ чемъ-либо другомъ, кромѣ того только, чтобы существовали лица іерархическихъ степеней. Онъ характерно выразилъ, что даже для количественнаго только процвѣтанія проповѣди требуется „возгрѣваніе“ дара учительства, — конечно, не имѣя въ виду при этомъ натуръ исключительныхъ, бывающихъ тѣмъ, чѣмъ имъ опредѣлено быть, можетъ быть, при всякихъ внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствахъ, но которыя потому, что исключительны, такъ и рѣдки! Вотъ этого возгрѣванія, или условій возгрѣвающихъ, вызывающихъ на усиленную проповѣдь привлекающихъ къ ней, а не отвлекающихъ, въ первые пятнадцать лѣтъ службы Макарія, по нашему мнѣнію, совершенно не было: скорѣе можно сказать были условія охлаждающія желаніе усиленной проповѣди, хотя, какъ сейчасъ увидимъ,

³⁸⁾ Такъ это было въ Октябрѣ и Декабрѣ 1857 года и въ Январѣ и Мартѣ 1858.

³⁹⁾ Ср. практику другихъ проповѣдниковъ. Напримѣръ, епископъ, котораго нельзя отнести къ неучительнымъ (былъ ученикъ м. Платона, пользовался вниманіемъ Филарета), Нароеній Чертковъ († 1851) считается произнесшимъ въ теченіи 50 лѣтъ служенія въ священномъ санѣ не свыше 114 проповѣдей. См. біографію его, сост. г. Орловымъ, стр. 86. Владиміръ, 1882.

быть можетъ должно видѣть въ этомъ не одно зло, а и благо: ибо, не имѣя Макарія какъ петербургскаго проповѣдника, мы стали имѣть Макарія—свѣтило русской науки. Но это благо — можно сказать — и создавалось отчасти на счетъ его дѣятельности проповѣднической. Посмотримъ же на эти условия, въ которыхъ былъ Макарій въ это время.

Такъ, прежде всего, чтобы проповѣдывать съ каеэдра, нужна каеэдра. Таковую каеэдру имѣеть каждый сельскій священникъ, которой онъ и распоряжается, какъ полноправный хозяинъ. Но имѣлъ ли ее Макарій? До начала 1851 года, то есть въ теченіи десяти лѣтъ, онъ ее не имѣлъ, ибо въ это время онъ былъ лишь *учитель*, носящій священническій санъ. Но что же такое, скажете, что учитель? На этотъ вопросъ обратилъ вниманіе и отвѣтилъ еще въ первой четверти текущаго столѣтія м. Филаретъ, и вотъ что, между прочимъ, замѣчалъ онъ о проповѣдничествѣ учителей, когда въ одно время посредствомъ привлеченія учителей духовно-учебныхъ заведеній хотѣли усилить учительность въ Русской церкви. Филаретъ говорилъ, что „нѣтъ совершенной удобности употреблять учащихся въ училищахъ къ усиленію православнаго ученія въ народѣ, потому что должность учительская, всегда соединенная съ обязанностью усовершенять собственные познанія, *можетъ безъ остатка наполнить дѣломъ все время* самаго ревностнаго и способнаго человѣка“ ⁴⁰). Не мудрено, что у этого учителя Макарія, въ теченіи перваго десятилѣтія своей службы выпустившаго семь или восемь томовъ чисто ученыхъ трудовъ, остатки времени отъ учительскихъ занятій были не весьма велики... И это тѣмъ болѣе, что, если судить по послѣдующему, Макарій не смотрѣлъ на проповѣдь такъ, что стоитъ только захотѣть и ты сталъ проповѣдникомъ: проповѣдь онъ считалъ *тяжелымъ* трудомъ, потому что трудъ этотъ серьезный, и иначе никогда даже въ послѣдствіи Макарій и не хотѣлъ и не могъ къ нему относиться,

⁴⁰) Собраніе отзывать и мѣній т. II. 77. Поэтому Филаретъ въ 1822 году предлагаетъ съ своей стороны такой способъ, который, „не отвлекая учащихся въ училищахъ отъ ихъ существенной обязанности образованъ юношество“, могъ бы только „частію“ обратить ихъ способности и труды и къ общенародному наставленію“, *ibid.* стр. 78; но вѣчь объ этомъ способѣ сюда не относится.

справедливо удивляясь людямъ, которые, повидимому, проповѣдывали лишь только захотѣли, и не признавая даже возможности (при обычныхъ условіяхъ ученаго и епископскаго служенія въ нашей церкви) чрезмѣрнаго изобилія въ проповѣдничествѣ ⁴¹⁾. Эти усиленные труды Макарія первыхъ годовъ службы въ Петербургѣ хорошо и характерно описаны самимъ Макаріемъ, а въ концѣ сороковыхъ годовъ—человѣкомъ, близко наблюдавшимъ его петербургскую жизнь. и при томъ—самымъ безпристрастнымъ къ Макарію,—разумѣемъ покойнаго арх. Евсевія Орлинскаго. Въ письмѣ къ одному изъ друзей въ концѣ 1842 года Макарій описывая свои дѣла, замѣчаетъ, что онъ здоровъ, держится въ образѣ жизни прежняго порядка, но прибавляетъ: „только въ часы бодрствованія не гуляю. О, не до гулянья! Повѣрьте, какъ иногда голова не разлетится!“ А за тѣмъ и еще пишетъ: „сильно правится мнѣ моя теперешняя жизнь, въ полномъ смыслѣ рабочая и дѣловая... объ одномъ жалѣю, что труды мои устремлены не на одинъ мой главный предметъ, на который я желалъ бы употребить ихъ. Сколько я дѣлаю не за себя, а за другихъ, тайкомъ, какъ скрытое орудіе. То пишу отзывы или критики на ту или другую книгу; то составляю плапы на то, на се; то, напримѣръ, долженъ былъ найти приличные эпитафьи на фронтоны Исаакіевскаго собора, и проч. и проч. Есть, конечно, око, которое видитъ всѣ эти мои бездѣлушки,—и я совершенно доволенъ. Но не хотѣлъ бы и этого довольства за потерю золотого времени, которое не вернешь!“ И если дѣйствительно посмотрѣть, чѣмъ онъ былъ занятъ въ 1842—43 году ⁴²⁾; то удивительно будетъ не то, что почти въ два

41) Объ этомъ предметѣ, конечно, могутъ быть два неодинаковыхъ мнѣнія. Известно, напримѣръ, что Иннокентій Борисовъ обыкновенно не только спѣшилъ говорить проповѣди, но и спѣшилъ печатать проповѣди, не его собственному признанію Макарію, спѣшилъ, „не забывая много объ отличныхъ достоинствахъ мысли или слога“, и причивой этого выставляя то, что „намъ (синархіальнымъ архіереямъ) рѣдко возможно бываетъ даже выкинуть хорошо въ то, что пишется: такова наша жизнь!“ (См. выдержки изъ письма въ біографической запискѣ объ Иннокентіѣ, составленной Макаріемъ). Митрополитъ Фил. ретъ, наоборотъ, былъ крайне тщателенъ въ приготовленіи проповѣди, а тѣмъ болѣе въ печатаніи. Митр. Макарій, по нашему наблюденію, занималъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто.

42) Письма къ прот. Серафимову, въ Церковн. Вѣстн. 1883, № 8—10.

года имъ произпесено только три проповѣди, а то, какъ онъ могъ найти время для писанія и этихъ проповѣдей⁴³⁾. Къ нѣскольکو позднѣйшему времени, именно ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ, когда Макарій былъ уже не новичекъ наставникъ, относятся рассказы преосвящ. Евсевія. Когда Евсевій изъ нашей Академіи перешелъ въ петербургскую, онъ, по всей видимости, удивлялся вѣчнымъ трудомъ Макарія. На труды Макарія Евсевій обращалъ вниманіе даже такого человѣка, котораго не удивилъ упорствомъ въ трудѣ: это—покойный А. В. Горскій. „Смотрите, какъ много трудится нашъ отецъ Макарій, писалъ Горскому Евсевій: дай Богъ побольше такихъ; человѣкъ благородный, радушный, онъ скоръ въ дѣятельности“, словомъ для без-

⁴³⁾ Одна изъ трехъ этихъ проповѣдей, какъ выше было замѣчено, именно проповѣдь на Благовѣщеніе 1843 г., до насъ не дошла, и не была издана даже самимъ авторомъ въ собраніи словъ 1847 года. Не призналъ ли ее и самъ авторъ слабой? потому что самъ онъ въ это время намекалъ на сознаваемую имъ поспѣшность въ работахъ.—Что его выраженіе о своей занятости ничуть не преувеличено, и не по относительной новосте дѣла и не по его неподготовленности — дѣла для него было слишкомъ много, это видно изъ того, что еще писалъ онъ здѣсь и въ другомъ письмѣ о своихъ занятіяхъ. Такъ онъ писалъ: „классы мои начались черезъ два дня послѣ моего пріѣзда. А какіе классы и сколько въ цѣдѣлю? Вотъ въ этомъ то и главнѣйшая трудность. Кабедру я занялъ по догматикѣ; классовъ въ недѣлю мнѣ дано три. Уроки свои я обязанъ писать немедленно, чтобы отдавать въ литографію“ и замѣчаетъ: „признаюсь, зѣло трудно составлять лекціи по догматикѣ!“ „Еще готовлю статью для Христ. Чтен.; началъ учиться говорить по нѣмецки“. И ему же при этомъ поручено было сдѣлать извлоченіе догматическихъ мѣстъ изъ сочиненій св. Димитрія Ростовскаго. „При такой множественности моихъ занятій, можете судить, каковы должны быть мои успѣхи: зрѣлы, что ли?“ Въ слѣдующемъ письмѣ Макарій пишетъ о результатѣ своихъ занятій: „не по силамъ моимъ бить воздухъ два часа! Дѣло было уже дошло до того, что подъ конецъ (послѣднихъ классовъ) я вовсе изнемогалъ и уставаалъ“. Но при этомъ сообщаетъ также, что онъ долженъ былъ выдумать двѣсти темъ для курсовыхъ сочиненій: „бѣда, да и только!“ Въ письмѣ, писанномъ, повидимому, въ 1843 году, онъ опять пишетъ о своихъ занятіяхъ: „чѣмъ я занимался? Немного! Составляю введеніе въ богословіе, выправляю мои записки по русской церковной исторіи; началъ читать курсовыя студентовъ. Бѣда! Хотятъ почти всѣ (сочиненія) взвалить на меня! Не знаю! Буду просить облегченія: а то подамся“. А при этомъ: „почти всю треть былъ очень слабъ желудкомъ, а слѣдовательно и головою отъ несносной погоды: недѣли двѣ не могъ даже вовсе заниматься дѣломъ, хоть и не дожидаясь постель“. Ibid.

пристрастнаго свидѣтеля петербургской жизни Макарія въ сороковыхъ годахъ сразу бросался въ глаза этотъ постоянный и тяжелый трудъ Макарія ⁴⁴⁾. Конечно, въ томъ же самомъ внѣшнемъ общественномъ положеніи другой могъ говорить проповѣди даже во множествѣ: это должно сказать, напримѣръ, объ Иннокентіѣ Борисовѣ. Но при сходствѣ внѣшняго положенія безспорно, такъ сказать, внутреннее положеніе Макарія было единственно и до сихъ поръ не было еще повторено. Какъ отцавшійся всецѣло и исключительно дѣятельности ученой и учебной, Макарій былъ, повидимому, извиняемъ въ своей условной неучительности даже такимъ проповѣдникомъ по природѣ, какъ Иннокентій. Изъ одного письма видно, что Иннокентій такъ твердо смотрѣлъ на Макарія того времени, какъ *исключительно на труженника науки*, что считалъ почти не желательнымъ до времени даже возведеніе Макарія въ санъ епископа хотя бы и съ оставленіемъ въ ученыхъ же должностяхъ, „ибо я боюсь, писалъ Иннокентій, по любви къ вашимъ ученымъ трудамъ, чтобы это накопленіе должностей не помѣшало дорогому перу вашему быть столь же летучему, какъ прежде“ ⁴⁵⁾. Очевидно, для людей вникавшихъ въ дѣло, какъ бы чувствовалось, что именно польза церкви и требуетъ, чтобы Макарій оставался тѣмъ, чѣмъ онъ уже былъ, и отъ него ждали не проповѣдей, а книгъ,—подобно тому, какъ въ древней церкви одни крестили, а другіе благовѣстили, а каждый считался полезнымъ одинаково для экономіи спасенія! — Кромѣ исключительно личной ученой работы, съ начала пятидесятихъ годовъ на Макарія легла обязанность заботы объ умственномъ преуслѣяніи и того учрежденія, гдѣ онъ главенствовалъ; и заботы не были

44) См. Прибавлен. къ Твор. Св. Отц, ч. XXXV, ст. 841. 803 и др. Въ сороковыхъ же годахъ было положено начало Исторіи Русской Церкви. Въ концѣ этого десятилѣтія отдѣльныя статьи будущей исторіи уже печатаются въ Христіан. Чтеніи, а въ половинѣ пятидесятихъ годовъ появилась исторія раскола какъ отдѣльное сочиненіе. Излишне говорить о прочемъ, но только не заурядное трудолюбіе способно создать все это. Поэтому другое лицо, искренне радовавшееся уснѣхамъ Макарія, совершенно серьезно задавалось вопросомъ, вынесетъ ли здоровье Макарія все эти труды: это преосв. Едидифоръ.

45) См. о. *Буткевича*, Иннокентій, СПб., 1887, стр. 303.

здѣсь тщетны ⁴⁶⁾. При семъ, если судить по аналогіи съ фактами извѣстными, признаніе необходимости должнаго приготовленія къ проповѣди ⁴⁷⁾, конечно уменьшало и безъ того не обширный остатокъ времени, остававшійся отъ ученыхъ трудовъ петербургскаго періода жизни Владыки ⁴⁸⁾.

Итакъ, въ такомъ положеніи, когда Макарій былъ болѣе ученый, чѣмъ предстоятель извѣстной церкви, по нашему мнѣнію, совершенно неудивительно, и, если угодно, совершенно извинительно, что за нимъ проповѣдей оказывалось мало, и есть совершенная аналогія между его (хоть не непосредственнымъ) предшественникомъ Иннокентіемъ *въ отношеніи къ наукѣ* и Макаріемъ *въ отношеніи къ проповѣди*: словомъ Макарій не могъ много сказывать проповѣдей въ его тогдашнемъ (съ 1842 по 1857 годъ) положеніи. Но по нашему мнѣнію и не было даже побужденій особенно усиливаться въ проповѣданіи, если конечно не почестъ себя человѣкомъ, могущимъ поступать внѣ условій мѣста и

⁴⁶⁾ Мой почтенный наставникъ по семинаріи Г. С. Рыбаковъ въ воспоминаніяхъ своихъ о Макаріѣ какъ ректорѣ Академіи (съ Января 1850 по Май 1857) между прочимъ замѣчаетъ: „времена Макарія были временами многосторонней кипучей дѣятельности петербургской Академіи. Все жило одной общей интеллектуальной жизнью, и учашіе и учащіе занимались своимъ дѣломъ каждый по мѣрѣ силъ и способностей. Хорошее то было время, проходившее въ сладостнѣйшихъ для духа занятіяхъ науками“. (Прав. Обзор. 1887 г., т. II, стр. 537—538). Сравни также письма Арх. Евсевія къ А. В. Горскому объ эпохѣ предшествовавшей ректорству Макарія, въ Приб. къ Твор. св. Отц. ч. XXXVII.

⁴⁷⁾ Ср. выше признаніе Иннокентія.

⁴⁸⁾ Конечно, но время служенія въ Москвѣ силы его были слабѣе; но здѣсь въ его отношеніяхъ къ проповѣди явственно проглядываетъ мысль, что сказать проповѣдь — не легкое дѣло. Такъ здѣсь онъ считалъ знакомъ особеннаго трудолюбія и даже твердости силъ человѣка служащаго литургіи и вмѣстѣ сказываніе проповѣди. По поводу проповѣди одного служившаго архимандрита онъ говорилъ: „о. архимандритъ говорилъ нынѣ проповѣдь! Въ Петербургѣ кто проповѣдуетъ, тотъ не служить, а онъ принялъ на себя двойной трудъ“ (см. воспоминанія Архим. Григорія въ указ. выше мѣстѣ). Макарій выразилъ неудовольствіе одному священнику за то, что тотъ не предупредилъ его о своей проповѣди наканунѣ: иначе, говорилъ Макарій о себѣ, я „вчера вечеромъ не трудился бы надъ своею проповѣдью“ (ibid.). Потрудившись же, Владыка не пожелалъ уже уступить мѣсто другому, хотя также приготовившемуся проповѣднику. Это и подобное намекаетъ, что проповѣдь всегда была для Владыки не только трудомъ *сказыванія*, но и болѣе важнымъ трудомъ *приготовленія* къ сказыванію.

времени. Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, время, когда Макарій какъ проповѣдникъ почти бездѣйствовалъ. Это было время сороковыхъ годовъ по преимуществу, время, отъ котораго получили даже названіе „люди сороковыхъ годовъ“, какъ люди лучшихъ преданій, люди съ чисто идеальными стремленіями. До насъ не касается вопросъ о томъ, что такое эти сороковые годы и люди сороковыхъ годовъ; но для насъ несомнѣнно одно: въ сороковыхъ годахъ многіе люди извѣстные такъ или иначе, но по которымъ можно судить и о неизвѣстныхъ, о настроеніи въ массѣ, проповѣди едвали охотно слушали и едвали считали проповѣдь особенно необходимой. Правда, проповѣдники тогда были избираемы въ почетныя члены Россійской Академіи ⁴⁹⁾; но, я думаю, это потому, что проповѣдь считалась отраслью русской словесности, слѣдовательно за услуги *русскому слову*, а не какъ учителя церкви, послужившіе ей словомъ. Для сужденія же, такъ сказать, о будничной сторонѣ, припомнимъ хотя общеизвѣстные факты: извѣстная по твореніямъ Гоголя г-жа Смирнова, правда, читаетъ Христіанское Чтеніе, восхищается Стурдзой, и Одессу считаетъ отраднымъ островкомъ, единственно отъ того (ея подлинныя выраженія), что тамъ живетъ авторъ драгоценныхъ писемъ ⁵⁰⁾,—но въ то же время высокомѣрно относится къ „напитавшимся Голубинскимъ“, москвичамъ Аксаковымъ, Хомяковымъ, въ наивности своей не подозревая, что еще вопросъ—чего болѣе у Стурдзы въ письмахъ, его собственнаго труда или труда Голубинскаго съ Делицынымъ ⁵¹⁾. Она же—читаетъ Филарета и Иннокентія. Но въ то же время свидѣтельствуетъ, что „мы“, т. е. большин-

⁴⁹⁾ Таковъ, напримѣръ былъ протоіерей Маловъ въ Петербургѣ, умершій въ 1856 г. О немъ—Истор. Пет. Дух. Академіи, стр. 373 и *Филаретъ Гумилевскій Обзоръ русской Дух. литер.*, стр. 274 - 275. Любопытенъ однако отзывъ о немъ Филарета: „славился какъ проповѣдникъ; но это надобно отнести болѣе къ таланту произношенія, чѣмъ къ проповѣди“: проповѣди, но Филарету, не отличаются даже отчетливостью мыслей.

⁵⁰⁾ См. Русская Стар. т. 68, стр. 356.

⁵¹⁾ Филаретъ свидѣтельствуетъ въ Обзорѣ, что „Письма о должностяхъ свящ. сана“ „не только были исправлены, но и передѣланы во многомъ московскою духовною цензурою. Иначе въ нихъ было много безотчетности, произволовъ и ошибокъ“ (Обзоръ, стр. 273), т. е. обработаны были тѣмъ

ство такъ называемаго образованнаго общества, „не созрѣли ни до высокаго богословія Филарета, ни до духовнаго развитія Иннокентія“, и что „читаютъ ихъ не многіе“ ⁵²⁾. Но что же читаютъ тогда многіе (извѣстія относятся къ 1847 и 1849 годамъ)? Она рассказываетъ и о томъ что тогда читали. Она рассказываетъ, что въ одномъ семействѣ, послѣ завтрака, цѣлыхъ два часа читали (конечно, по французски) проповѣди Monod'a, гдѣ образа назывались прямо идолопоклонствомъ, грѣхомъ противъ первой заповѣди, и „все заключалось какими то намеками на Апокалипсисъ“ и— „всѣ были въ восторгѣ!“ Но „о русскихъ проповѣдяхъ было сказано, что онѣ *очень дурны и скучны!*“ Но можно подвергнуть сомнѣнію даже то, чтобы въ самомъ дѣлѣ слушали и Филарета—то съ Иннокентіемъ. Ибо, по свидѣтельству Погодина, „поучительное слово Филарета о союзѣ науки съ религіей не было выслушано“ какъ слѣдуетъ ⁵³⁾, и тотъ же Погодинъ, получивъ проповѣдь Иннокентія, въ которой высказывается мысль, что вся природа дана Богомъ въ обладаніе человѣку, прямо усумнился, печатать ему въ извѣстномъ тогда Москвитинѣ или цѣтъ слово, заключающее въ себѣ такое открытіе!... Особенно любопытны, по нашему мнѣнію, свидѣтельства знаменитаго Н. В. Гоголя о томъ, что такое сороковые годы для русской проповѣди, любопытны во многостороннихъ отношеніяхъ. Такъ Гоголь приходитъ къ мысли, что народу нужно говорить хотя мѣтко, но—мало. Почему? Потому что иначе народъ „можетъ привыкнуть къ проповѣди такъ же, какъ привыкнулъ къ ней высшій кругъ, который ѣздитъ слушать знаменитыхъ европейскихъ проповѣдниковъ такимъ же самымъ образомъ, какъ ѣздитъ въ оперу или спектакль!“ ⁵⁴⁾ Это было писано въ 1846 году.—Такъ слушали

же Голубинскимъ или Делицынымъ:—фактъ крайне любопытный для исторіи русской богословской науки! То же самое митр. Филаретъ, въ письмахъ къ Муравьеву, № 68 и 52.

⁵²⁾ Къ числу „не читающихъ“ г. Смирнова относитъ и „пишущую братію“, и въ то число „Аксаковыхъ“—обращая фамилію эту въ выраженіе нарицательное (Русская Старина, т. 67. стр. 284—285).

⁵³⁾ Русский Вѣстн. 1892, Май, стр. 323.

⁵⁴⁾ Сочиненія, изд. 1867, т. III, стр. 454.

проповѣди. Но у того же Гоголя весьма ясно проглядывасть уже какъ его собственное мнѣніе, что проповѣдь сдвали и нужна, по крайней мѣрѣ для такъ называемаго простаго народа, и возможно думать, что это мнѣніе было раздѣляемо другими. Взгляды Гоголя правда нѣсколько противорѣчивы, но въ высшей степени характерны. Такъ, въ письмѣ о нашей церкви и духовенствѣ, Гоголь опровергаетъ мнѣніе о безжизненности нашей церкви, обнаруживающейся въ бездѣятельности будто бы духовенства, и указываетъ, что у духовенства русскаго есть два поприща, на которыхъ оно призвано дѣйствовать: исповѣдь и *проповѣдь*. „На этихъ двухъ поприщахъ можно сдѣлать очень много“. Только, по мысли Гоголя, нашему проповѣднику не нужно походить на западнаго. „Пусть миссіонеръ католичества западнаго бьетъ себя въ грудь, размахиваетъ руками и краснорѣчіемъ рыданій и словъ исторгаетъ скоро высыхающія слезы. Проповѣдникъ же католичества восточнаго долженъ выступить такъ предъ народъ, чтобы уже отъ одного его смиреннаго вида, потухнувшихъ очей и тихаго, потрясающаго голоса, исходящаго изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, все бы подвинулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы самос дѣло, и въ одинъ голосъ заговорило бы къ нему: не произноси словъ: слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей церкви“. ³⁵⁾ Но такъ какъ надежда имѣть проповѣдниковъ, потрясающихъ души даже прежде, чѣмъ они сказали слово, могла быть весьма слабая; то въ извѣстномъ письмѣ о русскомъ помѣщикѣ Гоголь разсуждаетъ уже такъ: признавая важность исповѣди и проповѣди для простаго народа, какъ средствъ церковно-воспитательныхъ, Гоголь однакоже о проповѣди сельской „того мнѣнія, что священнику, не вполне наставленному въ своемъ дѣлѣ и не ознакомленному съ людьми, *лучше вовсе не произносить проповѣдей*“. Но что сдѣлать до этого ознакомленія и наставленія? Гоголь совѣтуетъ этому помѣщику: „возьми Златоуста и читай его вмѣстѣ съ твоимъ священникомъ и при томъ съ карандашемъ въ рукѣ, чтобы отмѣчать тутъ же всѣ такія мѣста“, которыя „цѣлкомъ можно обратить къ нашему мужику“. „И эти самыя

³⁵⁾ Ibid. стр. 363—364.

мѣста пусть священникъ скажетъ народу; не нужно, чтобы они были длинны: страличка или даже полстранички“... „Но нужно, чтобы предъ тѣмъ, какъ произносить ихъ къ народу, священникъ прочиталъ ихъ нѣсколько разъ съ тобою, чтобы умѣть ихъ произнести не только съ одушевленіемъ, но такимъ убѣдительнымъ голосомъ, какъ бы онъ хлопоталъ о какой-нибудь собственной выгодѣ своей, отъ которой зависитъ благополучіе его жизни. Это будетъ дѣйствительнѣе, нежели его собственная проповѣдь“. Вообще—Гоголь вполне, какъ видимъ, священника поручаетъ наставленію помѣщика: „будь самъ ему наставникомъ, ты же понялъ такъ хорошо обязанности сельскаго священника“ ⁵⁶⁾. Это мѣсто изъ Гоголя должно, кажется, будетъ занять видное мѣсто въ будущей исторіи проповѣдничества сороковыхъ годовъ. И можетъ быть, покойный преосвящ. Никаноръ, между прочимъ, имѣлъ въ виду и Гоголя, когда въ послѣдствіи говорилъ, что „всѣ свѣтскіе писатели, даже лучшіе изъ нихъ, только насъ школятъ какъ невѣжды въ нашемъ собственномъ дѣлѣ церковнообщественнаго учительства“ ⁵⁷⁾.

Но—скажете—что же общаго между тѣмъ, что въ сороковыхъ годахъ сельскіе священники слабы были въ умѣньи проповѣдывать и соотвѣтственно сему и были трактуемы тогдашней интеллигенціей, и положеніемъ Макарія въ столицѣ, тогда уже богослова не безвѣстнаго? То, что такъ называемый духъ времени давалъ себя, вѣроятно, чувствовать не только сельскому священнику, который поручался въ гомилетическое обученіе мѣстному помѣщику, но и ученый архимандритъ могъ себя чувствовать не лучше въ соотвѣтствующихъ случаяхъ своего положенія; и при томъ: если уже умы выдающіеся, какъ Гоголь, могли давать такіе совѣты и такъ смотрѣть на дѣло: то чего должно было ожидать отъ людей заурядныхъ? Если тецерь, по выраженію того же Никанора, „вонять на весь свѣтъ, что пастыри церковные худо исполняютъ свой долгъ“, и, между прочимъ, мало учительны: то это значить, что отъ учительности пастырей, отъ кааодры церковной, при извѣстныхъ

⁵⁶⁾ Ibid. 452—454.

⁵⁷⁾ Проповѣди, изд. 1884, т. II, стр. 40—41

условіяхъ, образованное общество все таки чего-то ожидаетъ. Полстолѣтіе же тому назадъ, и это нужно поставить какъ новое немаловажное обстоятельство, наше образованное общество устремляло свои взгляды не на каеедру церковную, какъ на источникъ просвѣтленія идеаловъ, а куда то инуду. Такъ тотъ же Гоголь, театръ приравнивалъ къ каеедрѣ, „съ которой можно много сказать міру добра“, — „театръ укрѣпляетъ общество въ правилахъ болѣе неподвижныхъ (твердыхъ)“ ⁵⁸⁾, — а на сатиру смотрѣлъ какъ на средство обличеніемъ поучать добродѣтели. Театръ приглашался Гоголемъ *въ сотрудники въ дѣль обращенія общества* или, какъ выразится Гоголь, свѣта къ христіанству, — приглашался по весьма любопытной и для нашего времени теоріи. „Развлеченный милліонами блестящихъ предметовъ, свѣтъ не въ силахъ прямо встрѣтиться со Христомъ: онъ ихъ испугается какъ мрачнаго монастыря, *если не подставишь ему незримыя ступени къ христіанству*, если не возведешь его на нѣкотороо высшее мѣсто, откуда ему станеть виднѣе весь необъятный кругозоръ христіанства, и понятнѣе то же самое, что прежде вовсе было недоступно. Среди свѣта есть много такого, что для всѣхъ отдалившихся отъ христіанства служить незримою ступенью къ христіанству. *Въ томъ числѣ можетъ быть и театръ*, если будетъ обращенъ къ своему высшему назначенію“. Это опять было писано въ 1845 году къ будущему оберъ-прокурору св. Синода ⁵⁹⁾. Въ письмѣ къ поэту Языкову Гоголь совѣтуетъ: „перечитывай Библию, набирайся русской старины и при свѣтѣ ихъ приглядывайся къ нынѣшнему времени“ и при этомъ намѣчаетъ задачи по истинѣ высокія для русскаго поэта, и — я долженъ сознаться, я сомнѣваюсь, чтобы при такихъ умственныхъ теченіяхъ образованное общество того времени, если уже на него вліялъ Гоголь, очень сильно тяготѣло бы къ церковной каеедрѣ какъ къ источнику, откуда могутъ просвѣтляться идеалы человѣчества: такъ чрезмѣрно много въ отношеніи къ идеаламъ Гоголь возлагаетъ *на дѣло поэта и на поэзію*, хотя и привязываетъ

⁵⁸⁾ Сочин. ibd. 390.

⁵⁹⁾ Ibid. 391.

къ дѣлу поэта даже Библию ⁶⁰⁾! Мало того: Гоголь находить, что русская проповѣдь и русская поэзія, это, можно сказать, двѣ сестры, въ которыхъ одинаково оригинально проглядываетъ своеобразный геній народа. ⁶¹⁾, — и потому очевидно русская проповѣдь требуетъ для себя дѣлателей не тѣхъ, которыхъ обычно доставляетъ русская церковь, а дѣлателей особаго рода, какимъ едва ли могъ быть даже преосвящ. Макарій, потому что, какъ увидимъ, понятія его о проповѣди не могли (и конечно справедливо) быть сходными съ господствующими въ російской интеллигенціи.

Но справедливость требуетъ сказать, что поощрительныя къ церковно-учительству условія, въ первый періодъ дѣятельности Макарія не всегда встрѣчались и въ той самой средѣ, гдѣ Макарію въ эпоху его молодости суждено было жить и дѣйствовать. Въ началѣ сороковыхъ годовъ даже не особенно тонкій наблюдатель, какъ знаменитый Фотій Спасскій, даже такому тогда важному по іерархическому положенію лицу, какъ Иннокентій Борисовъ, напоминалъ

⁶⁰⁾ Поэтъ, по Гоголю, будетъ положительно содѣйствовать нравственной усовершенности русскаго общества, когда будетъ дѣлать свое дѣло. Какъ это? Гоголь такъ намѣчаетъ способы воздѣйствія поэзіи на русское общество „въ нынѣшнее время“. „Нопрокни прежде всего умныхъ, по умнѣвшихъ людей: умніе проклято Богомъ“, „озоръ лихоимца новѣйшихъ временъ и его проклятую роскошь“, — „возвеличь, въ торжественномъ гимнѣ, незамѣтнаго труженика, какой къ чести русской породы находится посреди отчаяннѣйшихъ взяточниковъ, возвеличь и его, и семью его, и благородную жену его, выставь ихъ прекрасную бѣдность такъ, чтобы она засіяла у всѣхъ на глазахъ“ *ibid.* стр. 402 Такъ задачи поэзіи у Гоголя облекаются съ задачами проповѣди.

⁶¹⁾ „Въ нашей поэзіи, говорилъ Гоголь, есть очень много *своего*“. „Струи этого своего „пробиваются въ самомъ словѣ церковныхъ настырей, словѣ простомъ, некраснорѣчивемъ (?), но замѣчательномъ по стремленію стать на высоту того святаго безстрастія, на которую опредѣлено взойти христіанину, — по стремленію направить челоуѣка не къ увлеченіямъ сердечнымъ, но къ высшей умной трезвости духовной“, *ibid.* 501. Должно сознаться, что на ряду съ опредѣленными требованіями, какія предъявлялъ Гоголь въ проповѣди, является въ его сужденіяхъ значительная неясность въ понятіяхъ: что значить, напр., что наши проповѣди не краснорѣчивы? Пушкинъ, напротивъ, упрекалъ русское проповѣдничество въ стремленіи противоположномъ: „мы умѣемъ, говорилъ онъ, спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестять вселерѣчиемъ“, но — не учительствовать. (См. Сочин. Пушк. изд. Карцева стр. 30).

все таки: „нынѣ боюсь я за всякое твое новое сочиненіе касательно вѣры и благочестія“ ⁶²). Былъ какой то духъ, прежде всего, на который современники намекали какъ на духъ, при которомъ поудобѣе было молчать, если кто не желалъ войти въ безполезныя припирательства съ общимъ теченіемъ вещей и мыслей. Много тогда толковали с православіи: православіе было на устахъ ⁶³). Но въ дружескихъ бесѣдахъ время свое люди сороковыхъ годовъ считали едва ли временемъ ревности о православіи. Одинъ епископъ выражался такъ: желательно „открыть *истинныя* основанія нашего православія и не дать попользованія людямъ предпримчивымъ налечь на духовенство подъ именемъ очищенія православія,—какъ и всегда дѣлались реформы подъ именемъ благозвучнымъ и доброзначущимъ“ ⁶⁴). Предметъ этотъ, т. е. отношеніе того времени, о которомъ идетъ рѣчь, къ православію, на столько любопытенъ, что я позволю себѣ привести свидѣтельство нѣсколько болѣе, чѣмъ это требуется для моей ближайшей цѣли. При томъ изъ этихъ свидѣтельствъ будутъ видны *трудности проповѣдничества* сороковыхъ годовъ, обусловливаемыя общимъ положеніемъ богословствующей мысли у насъ въ это время. Такъ въ томъ же 1842 году, когда вступилъ на службу въ Петербургъ Макарій, извѣстный протоіерей Кочетовъ свидѣтельствуешь, что „исповѣданіе вѣры I. Дамаскина признано неправославнымъ“. „Впрочемъ, прибавляетъ онъ, съ нынѣшнимъ православіемъ я еще не умѣю познакомиться“ ⁶⁵). Онъ же увѣдомляетъ, что Голгофа Иннокентія „для собственной безопасности автора и для предотвращенія всякихъ недобрыхъ толковъ“ возвратится въ кабинетъ автора, хотя она была читана „судією (т. е. цензоромъ) доброжелательнымъ къ автору ея, — читана со строгимъ вниманіемъ къ ея духу, *при заботливомъ сравненіи ея со строгимъ и особеннымъ духомъ настоящаго времени, который на вѣсѣхъ и на все смѣло кладетъ клеймо еретичества и неправо-*

⁶²) Въ Матеріалахъ, изд. г. Барсовымъ, № 15.

⁶³) Такъ что грубоватый на выраженія Фотій, кажется, не безъ притязанія на иронію писалъ: „все православіемъ пахнеть“, см. *ibid.* письмо № 13.

⁶⁴) Евгений, арх. Ярослав. († 1872).

⁶⁵) Барсова, въ Матеріалахъ, II, № 6.

славія“ ⁶⁶⁾. Задумано было преосв. Иннокентіємъ Борисовымъ известное предпріятіе изданія Догматическаго сборника, и опять высказываются такія мысли: „утѣшаюсь, что это (изданіе) утвердитъ и укрѣпитъ *шаткое досель у насъ* понятіе объ истинномъ православіи, о которомъ теперь (въ 1846 году) такъ много говорятъ, а послушать печего“ ⁶⁷⁾. Знаменитый протоіерей Павскій, какъ известно, былъ почти потерянь для богословской науки съ того времени какъ оставилъ преподавательство въ Петербургской Академіи, и вотъ какъ онъ объясняетъ свою рѣшимость оставить несомнѣнно дорогую для него науку: „богословскія истины уже обдуманы и обдѣланы столько, сколько требуется для служенія Богу съ вѣрою и любовію. При томъ же (не должно ли сказать: главное?) обдѣлка богословскихъ истинъ и проясненіе Священнаго Писанія соединены не только съ трудами, но и съ большими опасностями. Найдется довольно пронипательныхъ людей, которые на каждой страницѣ усмотрятъ или умышленно отыщутъ по нѣскольку оретическихъ мыслей; если уже не усмотрятъ прямо, то предположатъ... Ужъ такъ нынѣ настроены люди“ (писано въ 1842 году) ⁶⁸⁾. И это слышалось одинаково, какъ изъ Кіева, такъ и изъ Вологды, такъ и изъ Москвы, такъ изъ Новгорода,—какъ отъ доктора богословія, такъ и отъ мало имѣвшаго отношеній къ богословію юрьевского архимандрита. Протоіерей Цордовъ, известнѣйшій проповѣдникъ, изъ Вологды восклицаетъ:... „да и для всѣхъ теперь не свѣтло. О, вѣкъ просвѣщенія! не многимъ, очень не многимъ даришь ты насъ. При твоёмъ свѣтѣ мы такъ нынѣ блуждаемъ, какъ не блуждали наши отцы, которыхъ мы нынѣ считаемъ невѣждами!“ Сильному сомнѣнію подвергаетъ проповѣдникъ дѣйствительность даже внѣшняго уваженія къ церкви: „все показываетъ, что на церковь и религію нынѣ смотрятъ какъ на что-то лишнее, завѣщанное предками“ ⁶⁹⁾. Протоіерей Скворцовъ изъ Кіева, говоря объ ожиданіи къ-то какихъ-то „лучшихъ обстоятельствъ“, замѣчаетъ: „и кто ихъ не

⁶⁶⁾ Ibid. № 7.

⁶⁷⁾ Ibid. № 9. Ср. также его выраженія: „нашъ свѣтъ мудренъ или лучше сказать причуденъ: на него трудно угодить“, ibd. № 11.

⁶⁸⁾ Ibid. № 2.

⁶⁹⁾ Ibid. № 10.

ждеть нынѣ?“ Когда говорилось о затрудненіяхъ, давалось такое замѣчаніе: „какъ не затрудниться въ нашъ вѣкъ? на духовныхъ смотрятъ не одни духовные, а и свѣтскіе... Какъ ни разсѣвайте страхи, а они скопляются надъ нами сами собою“. Сообщаетъ при этомъ, что, по мнѣнію автора, „дожили до того, что и святой правды въ слухъ сказать не смѣемъ“, а въ образцы мнѣнія другихъ представляетъ то, что иные говорили: „за чѣмъ говорить много о паденіи прародителей, когда Духъ Святой написалъ мало?“ Или: „не нужно-де намъ (просвѣщеннымъ дѣлателямъ церкви Христовой) обширныхъ свѣдѣній философскихъ: нужно намъ одно богословіе откровенное“ и т. п. ⁷⁰⁾. И вотъ даже такіе кротчайшіе люди, какъ А. В. Горскій, возмущались почти тѣмъ, когда имъ говорили: что вы не пишете? „Ученые напи ничего не пишутъ“. „Да какъ и писать?“ отвѣчаетъ А. В. „Что будеть написано со стараніемъ раскрыть новую сторону въ предметѣ — все это покажется ересью“, и въ примѣръ этого онъ приподитъ вопросъ о развитіи догмата ⁷¹⁾. Довольно прикровенно, но не на столько, чтобы затемнить свою мысль, тотъ же А. В. Горскій характеризовалъ время это какъ такое, въ которомъ, между прочимъ, „являлось покушеніе, взатое съ примѣра чуждаго, заковать духъ вѣры въ мертвыя формы, и такимъ образомъ всякое движеніе богословствующей мысли сдѣлать невозможнымъ“. Отсюда, въ дружеской бесѣдѣ, время это разсматривалось положительно какъ время гнѣва Божія ⁷²⁾. И чѣмъ ближе къ

⁷⁰⁾ Ibid. № 24, 43, 49.

⁷¹⁾ Прибавл. къ Твор. Св. Отц. ч. 34 126.

⁷²⁾ Евсеій Орлинскій писалъ изъ петербургской Академіи:... „здѣсь, невидимому, все тихо, хоть и не знаю, съ чѣмъ сравнить эту тишину. Господу надобно молиться... Нельзя не видѣть гнѣва Божія въ этихъ обстоятельствахъ. О, какъ больно смотрѣть на то и то! Молитесь Господу, да разгонитъ онъ тьму омраченія и дастъ видѣть свѣтъ истины и правды“. Ibid. ч. 37, стр. 777—778. Или еще онъ же (тамъ же стр. 799): „настоящее положеніе я не знаю съ чѣмъ и сравнить!... Авось послѣ этой неизобразимой непогоды хотя сколько нибудь прояснится. Услыши, Господи, стenanія многихъ“. Филаретъ Гумилевскій въ 1842 году писалъ: „на видъ кажется, что хлопочуть о дѣлѣ вѣры, о дѣлѣ православія, даже только и словъ съ человѣкомъ незнакомымъ, чужимъ, что православіе и вѣра, а все это на языкѣ сердца обозначаетъ: наше дѣло политика, а все прочее— дѣло стороннее. Боже мой, Боже мой!“ (ibid. ч. 31. 263).

личности Макарія въ это время мы придвигаемся, тѣмъ какъ будто бы болѣе накопляется и сгущается этихъ специфическихъ свойствъ общаго направленія той эпохи, и свидѣтель тому—митрополитъ Филаретъ, оставившій намъ такія свидѣтельства относительно среды дѣйствованія Макарія, что едва ли остается возможность сомнѣваться въ томъ, что тогдашнія обстоятельства способствовали желанію рѣжо, а не чаще выступать на церковной каедрѣ. По признанію Филарета направленіе эпохи сороковыхъ годовъ вполне выразилось въ одномъ сильномъ тогда своимъ положеніемъ человѣкъ, долженствовавшемъ имѣть вліяніе (конечно во внѣшнемъ отношеніи) и на дѣятельность Макарія уже по самому непосредственному отношенію подчиненности ⁷³). Этимъ лицомъ, съ которымъ молодой тогда Макарій не краткое время стоялъ въ отношеніяхъ подчиненности не только за страхъ, но и за совѣсть, былъ преосвящ. Аванасій Дроздовъ,—„а онъ утверждалъ, что всѣ русскіе богословы до него были не православны, что не должно богословію учить систематически, а довольно читать Священное Писаніе ⁷⁴) и св. отцевъ“. Это буквально по словамъ митрополита Филарета ⁷⁵). Какъ объ этомъ Филаретъ передавалъ А. В. Горскому, это сохранилъ намъ послѣдній и это дополняетъ дѣло: Аванасій „вѣровалъ въ церковныя книги болѣе, нежели въ слово Божіе. Съ словомъ Божіимъ еще не спасешься (говорилъ), а съ церковными книгами спасешься ⁷⁶). А Филаретъ Гумилевскій писалъ тому же А. В.

⁷³) Мы не чувствуемъ охоты къ порицаніямъ, но бесполезно было бы здѣсь укрывать, не назвавъ этого имени: разумѣемъ извѣстнаго епископа Аванасія Дроздова, о которомъ въ послѣднее десятилѣтіе обнаружено много свѣдѣній, иногда съ отзывами весьма неблагопріятными, какъ напримѣръ въ письмахъ Филарета Гумилевскаго, не говоря о митр. Филаретѣ. Въ изданныхъ теперь письмахъ самого Макарія есть о немъ также замѣчанія, показывающія, что и покойный митрополитъ едва ли не раздѣлялъ общихъ, какъ теперь обнаруживается, неудовольствій на эту личность.

⁷⁴) Любопытно для сравненія припомнить, что Макарій, еще будучи студентомъ, въ высшемъ отдѣленіи писалъ на тему: „нужна ли наука Богословія при Свящ. Писаніи“? (См. опыты академическіе, М. 1892).

⁷⁵) Письма къ разнымъ лицамъ, издан. преосв. Саввою. Тверь, 1888, ч. II, 242—243.

⁷⁶) Прибавлен. къ Твор. Св. Отцевъ, ч. 31, стр. 344.

Горскому, что то же лицо „проповѣдуетъ: для меня Иисовѣданіе Могилы и Кормчая и болѣе ничего!“⁷⁷⁾ Потребности богословствующей мысли, повидимому, считались дѣломъ ничтожнымъ⁷⁸⁾ и имъ отводилось не важное мѣсто, если уже прямо нельзя назвать дѣло такъ, какъ оно, мы видѣли, было названо у А. В. Горскаго. Какое же положеніе отсюда могло вытекать для дѣла проповѣди? Проповѣдь, наравнѣ со всѣмъ оригинальнымъ, была если не въ явномъ пренебреженіи, то къ ней относились съ совершеннымъ равнодушіемъ. Мы могли бы усумниться въ фактъ, еслибы свидѣтельство о немъ опять не принадлежало митрополиту Филарету. Нужна была проповѣдь на особый случай, и вотъ „принялись писать кто вступленіе, кто первую часть трактаци, кто вторую, и ничего не вышло“: кончилось тѣмъ, что предназначенный проповѣдникъ сказался больнымъ⁷⁹⁾. Случайность можетъ быть это? Двадцать лѣтъ спустя, именно въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Филаретъ сообщаетъ въ дополненіе къ разсказу о приведенномъ случаѣ: „слышалъ я, что онъ (и теперь) поученій не говоритъ, и утверждаетъ, что церковная проповѣдь въ нынѣшнее время есть анахронизмъ“. — Если такъ, то что удивительнаго, если такой взглядъ, по крайней мѣрѣ не явно, былъ уже

77) *Ibid.* ч. 33, стр. 549. Такая исключительность вела за собою пренебреженіе къ книгѣ тамъ, гдѣ книга есть первое дѣло: книги не выписывались въ теченіи шести или семи лѣтъ: „они боятся ереси. Конечно, это опасеніе—дѣло святое, но въ какомъ случаѣ?“ (*Ibid.* ч. 31, стр. 238. 247.

78) Тотъ же свидѣтель, т. е. Филаретъ Гумилевскій, можетъ быть нѣсколько строго, но во всякомъ случаѣ такъ отзывался о преобладающемъ элементѣ въ духовной журналистикѣ начала сороковыхъ годовъ по поводу программы изданія Твореній св. Отцевъ съ прибавленіями духовнаго содержанія: „назиданія ищеть Воскресное Чтеніе, назиданія православнаго домогается Христіанское Чтеніе, но согласитесь, что то и другое часто бываютъ каррикатурны: дѣтей нынѣ нѣтъ на Руся, баснями сладкими никого не накормишь, а требуютъ крѣпкой пищи“. (*Ibid.* ч. 33, стр. 588). Посему Филаретъ зародившемуся журналу нашей Академіи совѣтовалъ: „не быть слишкомъ холоднымъ и къ требованіямъ ума, чтобы не въ пасть въ крайность“, подобную приведенной (о книгѣ Петра Могилы).

79) Разсказъ объ этомъ въ собственномъ письмѣ Филарета (къ Высоч. особ. П. 243), и въ записи А. В. Горскаго со словъ Филарета. См. Приб. къ Твор. Св. Отц. ч. 34, стр. 44.

и въ началѣ сороковыхъ годовъ? Можетъ быть на это намекалъ преосвящ. Евсевій въ послѣдствіи ⁸⁰⁾.—Мы конечно далеки отъ того, чтобы направленіе мысли и проповѣди *цѣлой* эпохи ставить въ отвѣтственность *одному* лицу. Но представимъ себѣ положеніе молодаго ученаго, который пожелалъ бы въ такомъ положеніи и при такомъ направленіи мысли усиленно проповѣдывать? Возможно ли было въ самоѣ дѣлѣ проповѣдывать то, о чемъ Макарій въ послѣдствіи проповѣдывалъ? Вокругъ его было провозглашаемо: „съ Священнымъ Писаніемъ еще не спасешься“; прямой выводъ: его и читать всѣмъ не очень нужно (хотя дѣлялся и противоположный выводъ, но это очевидно, была не послѣдовательность): а Макарій—въ послѣдствіи, конечно—съ глубокимъ убѣжденіемъ призывалъ всѣхъ въ проповѣдяхъ къ чтенію Писанія. „Не нужно учить Богословію: довольно одного Петра Могилы“: а въ проповѣдяхъ Макарія, въ послѣдствіи произнесенныхъ, нѣтъ, кажется, другой темы, къ которой онъ такъ охотно обращался бы при каждомъ подходящемъ случаѣ, какъ необходимость и важность богословской науки, богословскаго просвѣщенія, какъ и науки вообще, при чемъ, конечно, само собою подразумѣвалось и движеніе богословствующей мысли, а не перечитываніе одного другими. Кіевскія преданія, гдѣ и самое богословіе преподавалось, въ эпоху ученія Макарія, примѣнительно къ проповѣдничеству, здѣсь, очевидно, совершенно не могли имѣть мѣста. Не удивительно, что издавъ двѣнадцать проповѣдей (въ томъ числѣ двѣ еще оставшіяся отъ Кіева и одна даже студонческаѧ), Макарій вскорѣ же „немножко“ и раскаявался въ этомъ какъ въ предпріятіи „задуманномъ въ минуту неосмотрительности“ ⁸¹⁾. Если къ этому прибавимъ, что отношенія къ непосредственной власти

⁸⁰⁾ „Преосвящ. Аванасій имѣлъ неосторожность сообщить людямъ понятія не совсѣмъ правильныя. Это слышу изъ устъ старѣйшихъ“. Однако при этомъ добавляетъ преосв. Евсевій: „а по моему замѣчанію, положеніе Аванасія было, а можетъ быть и есть весьма тонкое“ (вѣроятно, Евсевій считалъ его орудіемъ другихъ). См. Прибавл. ч 37, стр. 708--710.

⁸¹⁾ Письмо къ Иннокент. въ Матеріал. Барсова, в. I № 5. Въ чемъ онъ видѣлъ свою неосмотрительность, рѣшить теперь трудно, но въ издачныхъ проповѣдяхъ можно найти мысли, которыя могли не нравиться въ то время.

у Макарія сложились не наилучшимъ образомъ ⁸²⁾, то мы признаемъ понятнымъ, почему Макарій до 1847 года говорилъ проповѣди только въ совершенно неизбѣжныхъ для него, какъ для лица священнаго сана, случаяхъ. — Такая скупость на слова съ каѳодры совершенно согласовалась съ обстоятельствами времени и съ личнымъ положеніемъ самаго Макарія, а также едвали особенно выдѣляла его среди учащаго сословія того времени: нѣтъ причинъ думать, чтобы и проповѣдничество другихъ представляло уже собою рѣку многоводную! ⁸³⁾.

Но остается еще и въ эпохѣ петербургской жизни Макарія періодъ, когда любитель поученія церковнаго могъ бы дать себѣ свободу говорить проповѣди чаще, такъ какъ потомъ Макарій самъ сталъ распорядителемъ той среды и условій, которыя прежде могли охлаждать слѣдованіе кievскому направленію сводить все къ проповѣди: разумѣемъ періодъ съ конца пятидесятаго года до выбытія въ Тамбовъ.

⁸²⁾ Въ томъ же письмѣ Макарій писалъ: „я, грѣшный, въ послѣдній годъ повиныталъ также не мало тяготу его, какъ бы сказать не знаю... А года четыре я былъ добрый для него работникъ.... добрый и безвѣстный“. Ibid. На что особенное намекаютъ послѣдніе слова это или можетъ быть разъяснено подлинникомъ письма, если вмѣсто точекъ въ подлинникѣ поставлены слова, или останется неизвѣстнымъ. Подобный же намекъ встрѣчается въ письмѣ къ протоіер. Серафиму. О высокочтнромъ отношеніи пр. Аеанасія къ труженикамъ богословской науки вообще, см. книгу о священникѣ Никольскомъ (СПБ. 1878), стр. 14—15, чего, какъ видно изъ словъ пресов. Макарія, не миновалъ и онъ, будущій знаменитый ученый.

⁸³⁾ Пресов. Иннокентію Макарій писалъ (въ 1847 году): „надобно сказать, что здѣсь въ Петербургѣ проповѣдь въ крайнемъ уназдѣ вообще“, и этимъ какъ будто оправдывался въ своей издательской предпріимчивости. Но Иннокентій, конечно, ободрялъ молодаго издателя проповѣдника: „напрасно жалѣете объ издаши въ свѣтъ проповѣдей вашихъ. Мало ли чего всегда можно пожелать для совершенства своихъ произведеній! Будемъ довольны тѣмъ, что Богъ далъ. Будьте увѣрены, книжка составитъ нѣкогда одно изъ колець въ цѣви исторіи литературы проповѣднической“. (См. Церковн. Вѣстн. 1883, № 24, стр. 4).—Количественное усиліе проповѣдничества въ Петербургѣ приписываютъ обыкновенно уже времени митрополита Григорія Постника, который и личнымъ примѣромъ, и разными облегчительными условіями для проповѣдыванія старался до наибольшаго развитія ослабѣвшую въ сороковыхъ годахъ дѣятельность проповѣдническую.

Да, это конечно было временемъ, когда не онъ долженъ былъ сообразоваться съ чужими взглядами, но другіе должны были сообразоваться съ его взглядами, — между тѣмъ мы видѣли, что этотъ періодъ въ жизни Макарія и есть до невѣроятности скудный количествомъ проповѣдей. Но къ сказанному о томъ, какъ много съ конца сороковыхъ до второй половины пятидесятихъ Макарій сдѣлалъ собственно для науки, нужно прибавить его собственные свидѣтельства о томъ, какъ онъ глубоко привязался въ это время къ работамъ именно на почвѣ науки, конечно по необходимости и по существу требующей наибольшаго укрытія отъ дѣятельности общественной, и потому по необходимости сокращающей выступленіе предъ публикой: двоиться же, быть одинаковымъ для той и другой, по нашему мнѣнію, невозможно, какъ это свидѣтельствуется и самими проповѣдниками ⁸⁴⁾. Макарій, очевидно, предпочелъ науку, требующую колліи, а не каеэдры съ тысячею слушателей ⁸⁵⁾, и едвали можно осудить за это человѣка, поставленнаго во главѣ расадника богословскаго вѣдѣнія! Въ 1847 году описывая уходъ изъ Академіи преосвящ. Леонасія и свое затруднительное положеніе до этого времени, Макарій прибавлялъ: „прошу Бога, чтобы отношенія новаго Ректора не были подобны прежнимъ, прошу не изъ ничтожнаго самолюбія, а именно потому, что это можетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на мой духъ и на мои ученые занятія, къ которымъ чувствую теперь, пока не охладѣло още и не разочаровалось сердце, такое пламенное влеченіе“. „Непремѣнно приступлю къ начертанію исторіи отечественной, *съ радостію будучи готовъ посвятить на это цѣлыя годы!*“ Напечатавъ извѣстное Введеніе и работая надъ первымъ томомъ догматики, Макарій писалъ своему другу: „дасть ли мнѣ Богъ окончить этотъ трудъ, не знаю: *а хотѣлось бы*

⁸⁴⁾ Напоминаемъ выше приведенное замѣчаніе Иннокентія о томъ, что „намъ рѣдко бываетъ возможно даже даже выникнуть хорошо въ то, что пишется: такова наша жизнь, разумѣется епархіальная. Если же епархіальная жизнь такова, то жизнь ученая, конечно, требовала большей преданности.

⁸⁵⁾ Въ письмѣ къ протоіер. Серафимову Макарій писалъ въ 1842 году: „я имѣлъ счастье произнести (не шутя) предъ цѣлыми тысячами“ проповѣдь на день Александра Невскаго.

отъ всей души принести еще хоть лепту на пользу общую. Буду молить Всевышняго!" и Господь помогъ ему принести не одну лепту въ сокровищницу, не смотря, какъ онъ прибавляетъ въ другомъ письмѣ чрезъ два года писанномъ, „не смотря на всѣ толки зависти, или злобы, или глаголемой ревности по православію“⁸⁶⁾. — Итакъ, малочисленные случаи выступленія Макарія на церковной каедрѣ въ сороковыхъ и въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, кромѣ общихъ условий церковнаго учительства и особенныхъ—его должностнаго положенія, объясняются тѣмъ, что занятый въ это время трудами, требовавшими всевозможнаго напряженія силъ физическихъ и духовныхъ, онъ естественно не могъ много удѣлять времени для другаго дѣла, на которое то же не могъ смотрѣть какъ на дѣло совершенно ничтожное.

Скудость въ количествѣ проповѣдей петербургскаго періода, какъ мы сказали, превратилась почти въ изобиліе съ переходомъ Макарія на самостоятельную каедру въ Тамбовѣ. Учитель и благожелатель Макарія преосвящ. Елпидифоръ (тогда Вятскій) побуждалъ преосв. Макарія „пускать въ обращеніе богатый талантъ слова“ его, „на душевную прибыль душамъ христіанскимъ“⁸⁷⁾; но въ то же время, какъ человѣкъ уже умудренный епархіальнымъ опытомъ, предсказывалъ Макарію: „вотъ, вы своимъ опытомъ теперь узнаете, что на епархіи не такъ легко заниматься парочитымъ составленіемъ проповѣдей“,—и доброжелатель Макарія только тѣмъ утѣшается, что у Макарія „много преимуществъ въ томъ; что онъ можетъ говорить безъ приготовленія“⁸⁸⁾. Опасенія преосв. Елпидифора въ отношеніи къ проповѣди не оправдались, потому что, конечно, автору Догматики не трудно было уже быть проповѣдникомъ: пришлось только пожертвовать научными занятіями, на что, повидимому, Макарій жаловался близкимъ людямъ⁸⁹⁾. Но во всякомъ случаѣ, кажется, должно прямо признать, что

⁸⁶⁾ Церковн. Вѣстн. *ibid.*

⁸⁷⁾ Письмо № 11, въ Прав. Обзор. 1888, № 1.

⁸⁸⁾ *ibid.* № 10.

⁸⁹⁾ *ibid.* № 11. „На настоящемъ мѣстѣ не имѣете возможности продолжать ученыхъ трудовъ; утѣшайтесь тѣмъ, что жалуютъ о насъ“.

большаго количества проповѣдей, по крайней мѣрѣ при настоящихъ условіяхъ архипастырскаго быта, чѣмъ сколько было произнесено ихъ въ Тамбовѣ, ни отъ кого и требовать нельзя. Это изобиліе проповѣдей тамбовскаго періода, по нашему мнѣнію, даетъ самое убѣдительное доказательство того, что не какое нибудь теоретическое предубѣжденіе противъ проповѣди въ родѣ мысли, что проповѣдь есть анахронизмъ, и не равнодушіе къ ней, было обстоятельствомъ, ослаблявшимъ дѣятельность эту въ предшествовавшемъ періодѣ. Очевидно Макарій, лишь оказался въ положеніи отвѣтственномъ по отношенію къ учительству съ кафедрой, кафедра не осталась праздно занимаемой и въ этомъ отношеніи. А долгу своему въ отношеніи къ учительству онъ смотрѣлъ, такъ сказать, прямо въ глаза, безъ самоизвиненій и смягчительныхъ толкованій. Епископъ, какъ онъ говорилъ въ своей рѣчи при нареченіи, есть первый священнодѣйствователь въ своей церкви, но въ то же время „и главный учитель“ въ церкви ⁹⁰⁾, призванный устроить не одно вѣчное, но „вмѣстѣ и временное счастье людей“. Это же самое по существу повторилъ онъ въ первой рѣчи при вступленіи на епархію тамбовскую: „я обязанъ преподавать вамъ уроки въ истинахъ вѣры и благочестія“ ⁹¹⁾,— и это же самое онъ осуществлялъ совершенно, такъ сказать, преобразившись въ тамбовскаго пастыря, съ интересами своего мѣста и времени. Что мысль его была усиленно сосредоточена на дѣлѣ учительства въ періодъ епископства тамбовскаго, это видно изъ того уже, что онъ, напримѣръ, держитъ въ памяти то, что говорилъ ровно годъ тому назадъ, и связываетъ одну свою проповѣдь, или, какъ онъ говоритъ, урокъ, съ другою прошлогоднею проповѣдью того же церковнаго момента. Такъ чрезъ годъ по вступленіи на тамбовскую кафедру онъ начинаетъ свою рѣчь напоминая, что въ прошломъ году, „естественно желая всякаго успѣха моему начинавшемуся тогда служенію посреди васъ, служенію, которое имѣетъ цѣлю вѣчное спасеніе“, онъ предложилъ слушателемъ въ этотъ же праздникъ истину о

⁹⁰⁾ Слова и рѣчи, изд. 1891, стр. 179.

⁹¹⁾ Ibid. 200.

томъ, что для достиженія спасенія прежде всего и болѣе всего необходима благодать. Теперь, говоритъ онъ, „я желалъ бы восполнить“ эту истину ⁹²⁾. Да не подумаетъ ктонибудь, что между этими проповѣдями не было ни одной другой: проповѣдей было очень много, но это показываетъ, что дѣло учительства велось Макаріемъ, когда онъ оказался въ благопріятныхъ къ тому условіяхъ, не такъ—что, сказалъ и ушелъ, а съ внутреннимъ интересомъ, захватывающимъ самую душу, съ сознаніемъ дѣла, какъ лежащаго на душѣ долга!

Что касается до остальныхъ періодовъ его жизни въ разсматриваемомъ отношеніи, то періодъ харьковскій представляетъ собою число не нисшее средней нормы или по крайней мѣрѣ не нисшее той, которую рѣдко превышаютъ пастыри обыкновенно не считающіеся неучительными ⁹³⁾. О виленскомъ періодѣ и періодѣ московскомъ въ отношеніи къ количеству проповѣдей нельзя вполне по согласію съ его издателями: здѣсь и не могло быть почти (конечно, не по причинѣ физической невозможности) болѣе проповѣдей. Въ теченіи болѣе, чѣмъ четырнадцать лѣтъ управленія литовской и потомъ московской епархіей около половины каждаго года владыка бывалъ въ отсутствіи, и потому могъ обращаться къ своей паствѣ съ церковной кафедрой только въ остальные мѣсяцы, а по особымъ условіямъ мѣстности—и въ лѣтніе мѣсяцы искать увеличенія случаевъ къ проповѣди, можетъ быть, было бы не всегда полезно. Прибавить

⁹²⁾ Ibid. стр. 417.

⁹³⁾ Этому замѣтному увеличенію количества проповѣдей со второй половины пятидесятихъ годовъ, конечно, способствовало въ нѣкоторой мѣрѣ измѣненіе и общихъ условій русскаго проповѣдничества, начиная съ этого времени: явилась возможность такихъ проповѣдей, какія въ Казани сказывалъ преемв. Іоаннъ Соколовъ. Теперь слово развязано, писалъ Макарію одинъ изъ друзей его: „и дай Богъ, чтобы благопріятное время не было потеряно для серьезныхъ и истинно полезныхъ улучшеній“ (Кирилль, Еп. Мелитонъ въ Русск. Стар. т. 28, стр. 192). И преемв. Макарій одинъ изъ первыхъ, которые воспользовались измѣнившимися обстоятельствами къ чести русскаго проповѣдничества: какъ въ послѣдствіи увидимъ, отъ слова съ кафедры, выражая его мысли какъ просвѣщеннѣйшаго богослова своего времени, было однако таково, что и чрезъ тридцать лѣтъ ему не приходилось жѣнять темы этого слова: онъ всегда оставался вѣренъ самому себѣ!

должно въ отношеніи къ періоду московскому, что здѣсь кажется, давалъ себя чувствовать уже и возрастъ автора, вслѣдствіе котораго приходилось въ иныхъ трудахъ и сокращаться ⁹¹⁾, не смотря на все желаніе трудиться!

(Продолженіе будетъ).

В. Кипарисовъ.

⁹¹⁾ См. воспоминанія о. архим. Григорія. Правосл. Обзор. 1888, Май, стр. 9. Ср. стр. 14 о томъ, что считалъ для себя, повидимому, труднымъ и служить и сказывать проповѣдь.